ПО ПУТИ ИЗЪ «ВАРЯГЪ ВЪ ГРЕКИ».

(Путевыя впечатлѣнія).

I.

СТЬ НА РУСИ старинная примѣта, что дождь предвѣщаетъ благополучіе. Всѣ участники деревенскаго свадебнаго поѣзда обыкновенно бываютъ очень довольны, если молодыхъ на обратномъ пути отъ вѣнца смочитъ дождемъ. Это къ счастью, говорятъ они, къ обилію!

Если вѣрить этой примѣтѣ, то путешествіе мое началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: не успѣвъ еще подъѣхать къ пристани Шлиссельбургскаго пароходства, у Лѣтняго сада, я уже очутился въ положеніи самаго счастливаго новобрачнаго. Дождь на этотъ разъ дѣйствовалъ, очевидно, не посмотрѣвъ въ святцы, и въ началѣ іюня моросилъ съ чисто осеннимъ коварствомъ, тихо, незамѣтно, но въ то же время упорно и методично пронизывая насквозь свою жертву.

Пароходъ тронулся, но о наслажденіи видами окрестностей Петербурга, конечно, не могло быть и рѣчи. Небо было покрыто сплошною, безпросвѣтною массою, а берега Невы задернуты густымъ, сѣрымъ пологомъ. Ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ, въ надеждѣ на лучшее будущее, отправиться въ каюту.

Однако и въ каютѣ перваго класса мнѣ не сидѣлось. Чинно, въ глубокомъ молчаніи расположились тамъ въ рядъ пассажиры,

большею частію, дачники, неподвижно уставивъ глаза въ одну точку. Всѣ словно погружены въ какія-то важныя думы и соображенія; лица у всѣхъ серьезныя, съ какимъ-то однообразнымъ выраженіемъ не то важности, не то скуки.

Совершенно иная картина развертывается передъ зрителемъ въ каютѣ втораго класса. Тамъ гулъ стоитъ отъ разговоровъ, которые все идутъ crescendo, по мѣрѣ того, какъ собесѣдники начинаютъ навѣдываться къ благодѣтельному окошечку въ глубинѣ каюты, съ торчащей за нимъ усатою, невыспавшеюся фигурою. Здѣсь сразу сказывается жизнь, текущая вольно, безъ всякихъ стѣсненій, и жизнь своеобразная. Вы сразу чувствуете, что попали въ особое царство, въ царство мелкой промышленности, торговли, судоходства, что Петербургъ съ его интересами, которые только что занимали васъ, уже пропалъ куда-то, что вы теперь на Невѣ и дышите ея особою атмосферою.

— Зачалилъ, и шабашъ: валяй до самыхъ пороговъ! — вырывается изъ общаго гула отдѣльная фраза.

— Слышу, что за стукъ на палубѣ,—раздается съ другой стороны:—проснулся, выхожу: я одинъ, а кругомъ никого ужъ нѣтъ, всѣ на лодку бросились...

— Мы, братъ, изъ Шлюшина да изъ Ладоги не выходимъ...

— А кирпичъ почемъ у васъ?..

— И сейчасъ это онъ тебѣ молебенъ, тамъ ужъ сколько твоего усердія будетъ...—Покажите, говорю, свидѣтельство, документъ...

Публика, по большей части, расположилась за отдѣльными столиками, стоящими въ два ряда вдоль стѣнъ каюты.

За однимъ изъ нихъ сидитъ компанія мелкихъ дровяниковъ, пьетъ чай и бесѣдуетъ о какомъ-то Тимоѳеѣ Филатовѣ, который взялъ 20 грузовъ.

— Двадцать грузовъ!—умиляется одинъ изъ собесѣдниковъ:—вѣдь надо почувствовать! Двадцать грузовъ!

— А ты знаешь, Тимоѳей Филатовъ 1.200 рублей выигралъ,—продолжаютъ между собою остальные.

— Во что?

— А въ стуколку.

— Это тебѣ кто сказалъ?

— Коли говорятъ, такъ ты слушай.

— А я тебѣ на это вотъ что скажу: Тимоѳей-то Филатовъ противъ матери молчитъ во какъ! Взялъ онъ двадцать грузовъ, а она, возьми, да и передай ихъ...

Но третій собесѣдникъ, очевидно, не можетъ хладнокровно слышать о такомъ количествѣ и опять начинаетъ умиляться:

— Вѣдь если теперь десять грузовъ, и то много...—но его не слушаютъ.

— У ней было оставлено 4 груза, это—пожалуй, это—я согла-

сенъ, и больше никакихъ! Если бы теперь потвоему Тимоѳей-то Филатовъ выигралъ, такъ...

— Да нѣтъ, ты слушай,—снова перебиваетъ третій:—вѣдь д-в-а-д-ц-а-ть грузовъ!

— Когда коровы красныя пойдутъ впередъ, такъ погода хорошая,—вдругъ неожиданно раздается на всю каюту чей-то громкій голосъ.

У другаго столика помѣщаются трое молодыхъ людей, совершенно отличныхъ отъ остальнаго общества. Это, какъ видно, туристы, судя по ихъ ручнымъ чемоданчикамъ и плетеной корзинкѣ

Шлиссельбургская крѣпость.

съ съѣстными припасами. Всѣ они, не смотря на тѣсноту, шумъ и разныя неудобства, находятся въ наилучшемъ настроеніи духа, шутятъ и смѣются. Одинъ изъ нихъ, подъ говоръ товарищей, наскоро набрасываетъ въ походный альбомъ фигуру дремлющей напротивъ старухи торговки.

Въ углу у буфета расположилась компанія шлюшинцевъ вокругъ своего батюшки, въ коричневой рясѣ, и внимательно слушаетъ его разсказъ.

— Я говорю: чудакъ ты этакой,—продолжаетъ батюшка:—вѣдь она—серебряная ложка; 84 пробы, значитъ. Ну, 25 рублей стоитъ, 2 фунта вѣсу, а ты съ ней этакъ обращаешься...

Немного наискось отъ нихъ идетъ повѣствованіе о какомъ-то казусномъ дѣлѣ съ чинами рѣчной полиціи.

Я вышелъ на палубу. Дождь шелъ попрежнему. Красивые берега Невы были положительно неузнаваемы. На палубѣ ежились и кутались несчастные третьеклассники.

Мимо насъ, недалеко отъ пороговъ, гордо прошелъ Ладожскій пароходъ «Валамо», вѣроятно, еще не подозрѣвавшій своей печальной участи, которая постигла его почти на этомъ же мѣстѣ, недѣли двѣ спустя.

Хотя и говорится, что нагому нечего бояться разбойниковъ, а мокрому—дождя, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ снова, хоть на время, ретироваться въ каюту. Въ дверяхъ я столкнулся съ однимъ изъ туристовъ, храбро взбиравшимся на верхъ съ альбомомъ въ рукѣ. Внизу оба его товарища также были вооружены карандашами. Одинъ изъ нихъ что-то набрасывалъ въ альбомъ, другой, съ веселою улыбкой, зачерчивалъ съ натуры сапоги и полы кафтановъ верхней публики, видимые сквозь небольшія окна надъ потолкомъ каюты. Видъ дѣйствительно былъ интересенъ: у каждой пары ногъ своя поза, своя экспрессія.

Я помѣстился на свободномъ мѣстечкѣ, недалеко отъ шлюшинцевъ. Бесѣда съ батюшкою у нихъ продолжалась.

— Папиросъ съ предсказаніями не будетъ, новый градоначальникъ запретилъ,—сообщаетъ одинъ изъ нихъ во всеобщее свѣдѣніе.

— Про Петербургъ что и говорить, — отзывается батюшка: — тамъ все хорошо; вездѣ порядокъ. Тамъ еще при прежнемъ градоначальникѣ и водкой до обѣдни не торговали. Опять же въ трактирахъ: кто въ общую залу входитъ, долженъ шляпу снять и помолиться.

— Да, и чтобы собакъ не водить.

— А у насъ нельзя порядочному человѣку и въ залъ войти.

Слушатели оживляются.

— Захотѣли отъ нашего города!—восклицаетъ одинъ.

— У насъ свои права! — съ ироніей подхватываетъ другой. — Торгуй хоть всѣ сутки, запрету не будетъ.

Близость духовнаго лица настраиваетъ всѣхъ въ нравственно-обличительный тонъ.

— Василій Иванычъ,—обращается къ одному изъ нихъ слушатель, тоже шлиссельбуржецъ, изъ противоположнаго конца каюты:— Василій Иванычъ, у насъ не то что собакъ, а лошадей скоро въ трактиръ водить станутъ.

— Хоть сейчасъ!—восклицаетъ Василій Ивановичъ:—только бы водку пили, да буфетчику доходъ былъ.

— Только бы доходъ давали!—смѣются остальные.

Но одинъ изъ собесѣдниковъ, тоже разинувшій было ротъ для смѣха, вдругъ останавливается.

— Да какой же отъ лошади доходъ-то?—спрашиваетъ онъ.

— А отъ собаки?—отвѣчаетъ вопросомъ же Василій Ивановичъ...

— Собака сахару поѣстъ...

— Господа! Красныя Сосны! — раздается сверху голосъ молодаго туриста, и оба его товарища спѣшатъ на палубу. Я давно уже не видѣлъ этихъ историческихъ сосенъ и тоже поднялся на верхъ.

II.

Впереди, на возвышенности лѣваго берега Невы, видна жиденькая группа почти засохшихъ сосенъ, окруженныхъ невысокою оградою. Подъ соснами темнѣетъ силуэтъ памятника.

Туристъ, вызвавшій товарищей на палубу, уже стоитъ у борта и вглядывается вдаль.

— Набросали что нибудь?—спросили его товарищи.

— Только альбомъ понапрасну вымочилъ,—засмѣялся онъ, махнувъ рукою.—Вотъ, господа, и Красныя Сосны. Станьте рядкомъ и внемлите благоговѣйно глаголу музы: когда Петръ послѣ взятія Шлиссельбурга направился въ слѣдующемъ году къ Ніеншанцу, онъ остановился здѣсь лагеремъ на ночлегъ; здѣсь, какъ краснорѣчиво выразился кто-то, была проведена послѣдняя ночь старой Руси. Все мѣсто было покрыто густымъ сосновымъ лѣсомъ. Говорятъ, что царская палатка была разбита подъ этими соснами; другіе же утверждаютъ, будто сосны эти посажены солдатами по приказанію самого Петра.

— Что-то не вѣрится, — замѣтилъ одинъ изъ слушателей: — чтобы Петръ, шедшій на такое дѣло, какъ взятіе крѣпости у шведовъ, могъ заниматься посадкою деревьевъ, въ лѣсу, на рѣкѣ, которая еще далеко не была упрочена за нимъ.

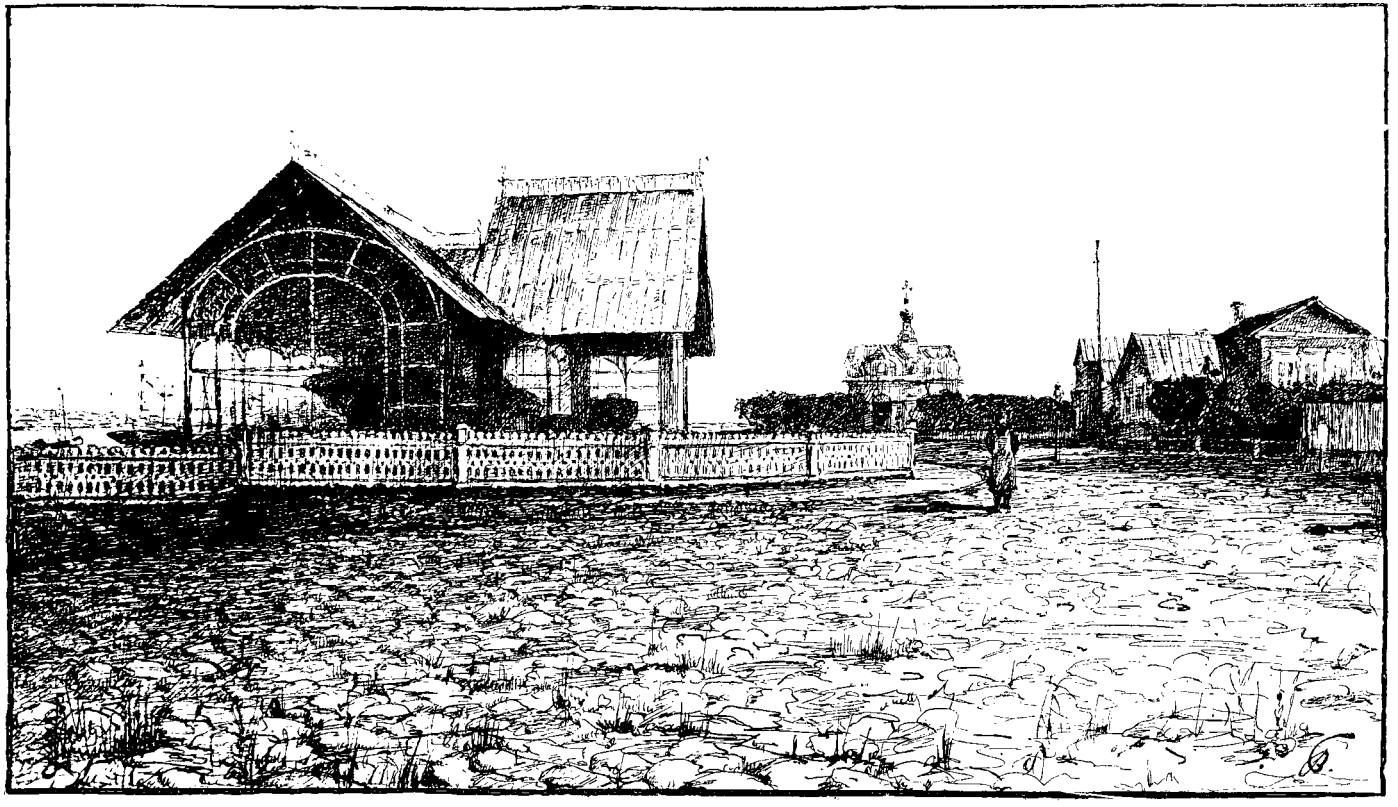
— Пожалуй, вы правы, и древность сосенъ подтверждается еще другимъ сказаніемъ, которое едва ли могло возникнуть въ прошломъ столѣтіи; оно у меня записано.

Онъ порылся въ карманѣ и вынулъ записную книжку.

— Сказаніе это относится къ концу XVI вѣка. Во время шведской войны, въ послѣдніе годы царствованія Грознаго, шведскій полководецъ Делагарди явился съ войскомъ близь береговъ Невы. Делагарди былъ колдунъ и съ помощью чаръ могъ дѣлать что ему угодно. Въ то время на этомъ мѣстѣ былъ непроходимый лѣсъ, но онъ безъ труда провелъ своихъ солдатъ черезъ трущобу и расположился на отдыхъ подъ Красными Соснами, не подозрѣвая, что мѣстные колдуны давно уже слѣдятъ за нимъ. Не зналъ онъ также, что самая большая сосна, подъ которою онъ расположился

Катеръ Александра II и ботикъ Петра I.

Часовня Казанской Божіей Матери.



Набережная въ Шлиссельбургѣ.

на ночлегъ, была испоконъ вѣковъ зачарована. Ночью онъ проснулся отъ страшной, давившей его тяжести. Оказалось, что на шеѣ у него за ночь выросла огромная сосна. Делагарди призвалъ на помощь всю свою силу и кое-какъ съ помощью заклинаній успѣлъ освободиться отъ дерева, но эта выходка русскихъ колдуновъ такъ напугала его, что на другое же утро онъ спѣшно покинулъ Невскіе берега.

— Исполать русскимъ колдунамъ, — засмѣялись слушатели: — впрочемъ корелы издавна славились своимъ вѣдовствомъ. Не найдется ли у васъ еще какой легенды въ записной книжкѣ?

Разсказчикъ заглянулъ въ свою книжку.

— Говорятъ еще,—прочелъ онъ:—что въ языческія времена на этомъ мѣстѣ росла священная роща, и окрестная водь собиралась сюда приносить жертвы богамъ и рѣшать свои споры на судѣ старшинъ. Прибавляютъ, что впослѣдствіи здѣсь будто бы существовала нѣкоторое время христіанская церковь. Вотъ и все, а другихъ легендъ не знаю.

— Есть и еще одна,—замѣтилъ я, подходя къ молодымъ людямъ:—и если вы, господа, какъ я вижу, интересуетесь легендами, то, быть можетъ, прослушаете и эту, хотя предупреждаю заранѣе, что она едва ли достовѣрнѣе преданія о Делагарди. Я слышалъ ее еще въ дѣтствѣ. Во время осады Шлиссельбурга, Петръ пріѣхалъ на это мѣсто и, замѣтивъ высокія сосны, съ вершины которыхъ была видна крѣпость, устроилъ на нихъ небольшую палатку, куда поднимался ежедневно, съ цѣлью слѣдить издали за дѣйствіями непріятеля. Но шведы скоро разсмотрѣли палатку на вершинѣ деревьевъ, а затѣмъ узнали и самого царя. Въ слѣдующую же ночь съ крѣпостной стѣны было направлено на эти сосны орудіе, и непріятель ожидалъ только момента, когда Петръ поднимется на свой обсерваціонный пунктъ. Между тѣмъ какой-то русскій солдатикъ замѣтилъ, что на стѣнѣ въ крѣпости творится что-то недоброе; разглядѣлъ онъ, въ какую сторону направлена пушка, и, зная неустрашимость Петра, рѣшился дѣйствовать втихомолку. Ночью онъ устроилъ свой мундиръ на подобіе царскаго и рано поутру, когда государь еще почивалъ, смѣло появился на вершинѣ сосенъ. Грянула пушка, и солдатикъ былъ убитъ наповалъ. Проснувшись, Петръ съ удивленіемъ узналъ объ угрожавшей ему опасности. Такова легенда, но, какъ уже сказано, за достовѣрность ея поручиться трудно.

— Не извѣстно ли вамъ, кѣмъ поставленъ этотъ памятникъ подъ соснами?—обратился ко мнѣ туристъ съ записною книжкою.

— По этому поводу тоже могу кое-что вамъ сообщить. Я нашелъ эти свѣдѣнія, перелистывая «Иллюстрацію» сороковыхъ годовъ, гдѣ помѣщенъ и рисунокъ памятника, не задолго передъ тѣмъ открытаго.

— Значитъ, теперь отъ легендъ переходимъ къ такъ называемымъ, «истиннымъ происшествіямъ»?

— Совершенно справедливо. Здѣсь также приходится начинать съ Петра. Въ числѣ поселенцевъ, переведенныхъ имъ изъ Бѣлозерска въ Шлиссельбургскій уѣздъ, находилось семейство Спиридоновыхъ. Люди они были способные. Одинъ изъ нихъ служилъ даже въ качествѣ дворцоваго печника. Сынъ его, Кириллъ, столяръ по ремеслу, былъ въ то же время каменотесомъ, печникомъ, штукатуромъ, маляромъ, позолотчикомъ, полотеромъ и, наконецъ, садовникомъ. Въ силу такихъ разнообразныхъ способностей, ему неоднократно приходилось исполнять всевозможныя работы при постройкѣ новыхъ дворцовъ. По, помимо своей даровитости, Спиридоновъ обладалъ и русскою широкою натурой. Будучи родомъ изъ села Путилова и хорошо знакомый съ мѣстностью Красныхъ Сосенъ и связаннымъ съ нею преданіемъ, этотъ мужичекъ задумалъ навсегда утвердить здѣсь память о Петрѣ и соорудить на свой счетъ приличный памятникъ. Ему не пришлось осуществить при жизни своего намѣренія, но старикъ принялъ мѣры, чтобъ оно, всетаки, исполнилось хотя и послѣ его смерти. Подозвавъ къ своей постели старшаго изъ четырехъ сыновей, умирающій завѣщалъ ему непремѣнно поставить подъ Красными Соснами памятникъ государю Петру I, обѣщая за это благословеніе Божіе. Онъ умеръ. Старшіе сыновья его, Николай и Михайло, сами ремесломъ каменотесы, долго думали, какъ приняться за дѣло, и наконецъ рѣшились обратиться къ правительству о разрѣшеніи на постановку памятника. На ихъ просьбу вскорѣ послѣдовало высочайшее соизволеніе, и братья немедленно приступили къ работамъ по утвержденному рисунку. Младшіе братья, Аѳанасій и Никита, въ свою очередь, обнесли всю площадку сосенъ каменною оградою, проложили тротуаръ черезъ проходящую мимо сосенъ Архангельскую дорогу и устроили спускъ къ Невѣ изъ 70 ступеней. Такимъ образомъ, мечта покойнаго Кирилла Спиридонова осуществилась. Судя по рисунку въ «Иллюстраціи», общій видъ памятника съ оградою и широкою каменною лѣстницей, окруженною густымъ сосновымъ лѣсомъ, былъ очень красивъ.

— А теперь,—подхватилъ одинъ изъ слушателей, указывая на удалявшіяся сосны:—грустно и глядѣть на все это. Вмѣсто сосноваго бора—жалкій кустарникъ; сосны высохли, лѣстница развалилась, ограда и самый памятникъ сильно обветшали и нуждаются въ ремонтѣ, а кто произведетъ его, кто поддержитъ эти разрушающіеся остатки?

— Вѣрно, придется подождать, не явится ли опять какой нибудь добрый мужичекъ,—замѣтилъ другой.

III.

Но вотъ справа показалась красивая, покрытая сосновымъ лѣсомъ Преображенская гора, а впереди выросли изъ воды стѣны крѣпости и раскинувшійся на лѣвомъ берегу городокъ. Пароходъ миновалъ зданіе ситцевой мануфактуры, находящееся между городкомъ и Преображенскою горою, на особомъ островѣ, и черезъ нѣсколько минутъ наши шлюшинцы, съ батюшкою во главѣ, дровяники, судовщики, торговки, нестройною толпою потянулись по брошенному трапу на пристань.

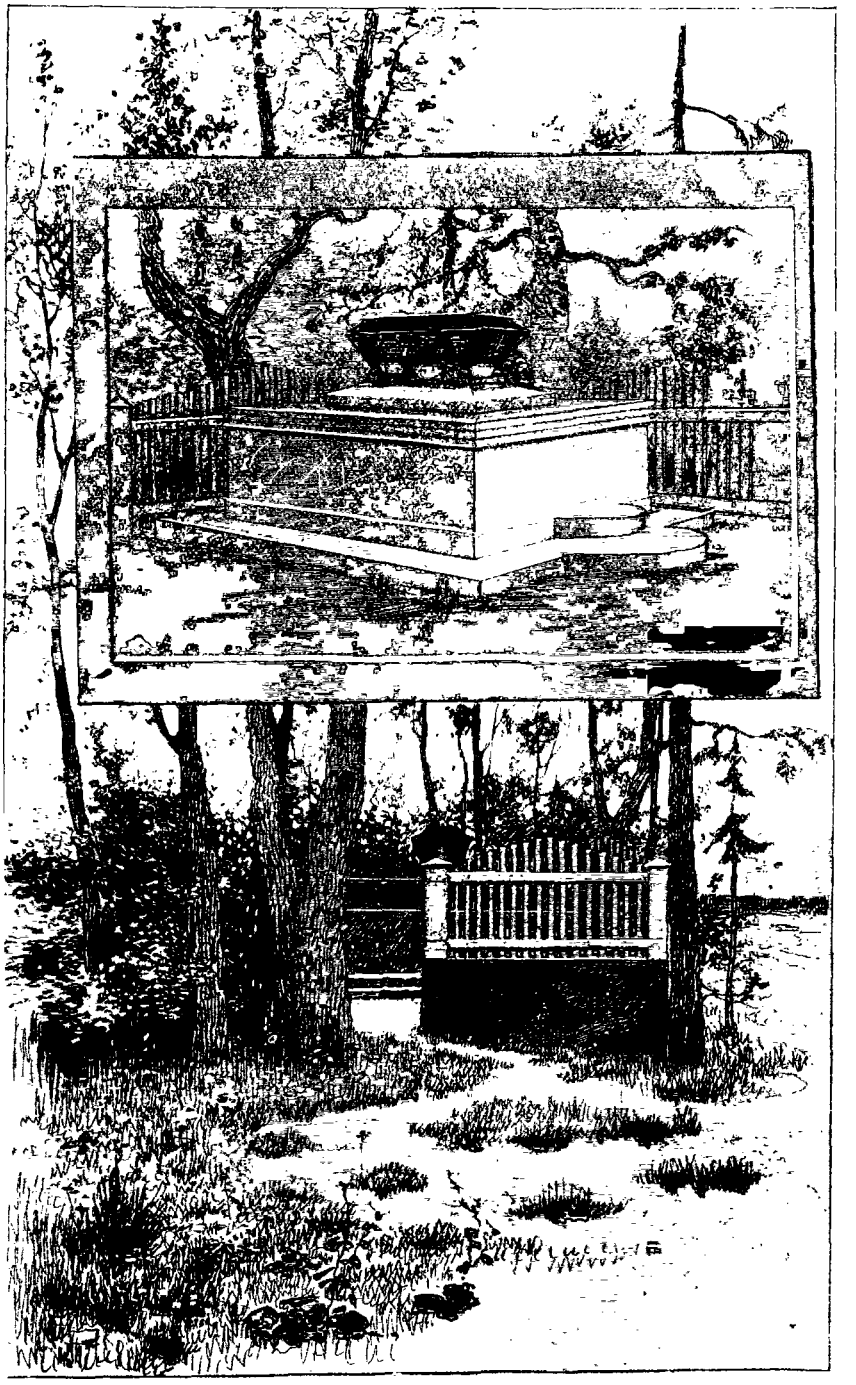
Дождь шелъ не переставая, и мы вмѣстѣ съ новыми знакомыми (которые оказались художниками, недавно окончившими академію) направились въ ближайшую гостинницу, противъ самой пароходной пристани, носящую историческое названіе «Орѣшекъ».

У входа толпилось нѣсколько мужиковъ и бабъ; стояли и неизбѣжные нищіе. Мы поднялись во второй этажъ, гдѣ намъ отвели общую, большую комнату.

Я взглянулъ въ окно. Впереди во всю ширину раскидывалась многоводная красавица Нева; вдали берегъ, покрытый лѣсомъ; небольшая деревушка уныло смотрится въ воду. На первомъ планѣ набережная, пристань, у которой, кромѣ нашего парохода, стоятъ еще другіе, особаго типа. Эти пароходы, по справкамъ, оказались «канальскими», то-есть ходящими по новому каналу въ Ладогу. На Невѣ одиноко стоитъ на якорѣ небольшая сойма, движутся лодки, проходятъ суда. Нѣсколько буксирныхъ пароходовъ, въ ожиданіи работы, выстроились въ рядъ подлѣ набережной. Влѣво отъ пристани на самомъ берегу возвышается ажурный павильонъ подъ желѣзной крышей; стѣнки его забраны проволочной сѣткой, сквозь которую темнѣютъ два какихъ-то неопредѣленныхъ силуэта. Направо, въ концѣ набережной, каменная часовня, окруженная молодыми деревцами. Она стоитъ на берегу канала Александра II, устье котораго приходится почти противъ нашего окна. На концѣ дамбы, отдѣляющей каналъ отъ Невы, возвышается небольшой гранитный памятникъ, а за дамбою, посреди рѣки, тянутся холодныя, непривѣтливыя стѣны крѣпости.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже отправились осматривать городъ и, прежде всего, направили путь къ часовнѣ на берегу канала, въ которой помѣщается мѣстный Палладіумъ, драгоцѣнный остатокъ старины: икона Казанской Богоматери, глубоко чтимая во всей окрестности. Ея исторія отчасти связана съ исторіей самой крѣпости, уныло глядящей на насъ изъ-за дамбы и точно погруженной въ глубокую думу о минувшемъ.

Вдали, замыкаемая твердынею крѣпости, величественно раскидывается широкая гладь Ладожскаго озера, древняго Нево, съ сво-



Могила А. И. Шилова на Преображенской горѣ близъ Шлиссельбурга.

ими утопающими вдали берегами, съ дальнимъ маякомъ, съ гальотами и другими парусными судами, пересѣкающими линію горизонта стройными силуэтами своихъ мачтъ. Правъ былъ Петръ, назвавшій эту крѣпость ключемъ: она прочно замыкаетъ доступъ и къ Невѣ, и къ озеру.

Господинъ Великій Новгородъ еще давно понялъ всю важность этого островка-орѣшка, точно намѣренно помѣщеннаго здѣсь природою, для сооруженія крѣпкаго оборонительнаго пункта. Укрѣпивъ за собою истокъ Волхова возведеніемъ Старо-Ладожской крѣпости, которая долгое время служила передовымъ оплотомъ противъ шведовъ, новгородцы въ XIV вѣкѣ стали подумывать и о большой Невской дорогѣ, по которой жаловали къ нимъ непрошенные гости, и рѣшили запереть ворота въ озеро. «Въ лѣто 6831 (1323 г.),—читаемъ въ лѣтописи,—ходиша новгородци съ княземь Юрьемь і поставиша городъ на усть Невы, на Орѣховомь островѣ; ту же приѣхавше послы великы отъ Свѣіского короля, докончаша миръ вѣчный съ княземь и с Новымь городомъ по староі пошлинѣ»[1]). Такимъ образомъ основаніе новаго боеваго пункта ознаменовалось заключеніемъ «вѣчнаго» мирнаго договора. Крѣпость была устроена вначалѣ деревянная и окружена земляным валомъ, но впослѣдствіи новгородцы обвели ее каменной стѣной. Шведы неоднократно пытались овладѣть ею, но это удалось имъ лишь въ 1617 году. По Столбовскому договору Орѣшекъ былъ присоединенъ къ Швеціи, и только въ 1702 году Петръ Великій взялъ его обратно, послѣ кровопролитнаго штурма.

Вскорѣ послѣ взятія крѣпости, шведская кирка, передѣланная изъ прежней церкви, была снова обращена въ православный храмъ, освященіе котораго послѣдовало въ 1703 году. По словамъ преданія, одно мѣсто въ алтарной стѣнѣ храма постоянно было покрыто проступавшею изъ стѣны влагою. Его подправляли, штукатурили вновь, но влага продолжала выступать попрежнему, и наконецъ въ стѣнѣ образовалась трещина, черезъ которую обнаружилась замурованная въ стѣнѣ икона. Это и была икона Казанской Богоматери, находящаяся теперь въ часовнѣ. Судя по письму, ее слѣдуетъ отнести къ концу XVI столѣтія. Она, вѣроятно, была храмовою иконою въ крѣпостной церкви и закладена въ стѣну во время передачи Орѣшка шведамъ по Столбовскому договору. Время обрѣтенія ея неизвѣстно, но съ 1710 года она уже значится въ описяхъ крѣпостнаго собора.

Мы вошли въ часовню; она довольно обширна. Икона, уже совершенно потемнѣвшая отъ времени, помѣщается въ иконостасѣ на главномъ мѣстѣ. Передъ нею устроены перила, для соблюденія бо̀льшаго порядка въ движеніи прикладывающихся во время боль-

[1]) Новг. лѣтоп. по синод. харат. списку.

шаго стеченія народа, а стеченіе дѣйствительно бываетъ большое, особенно 8 іюля, когда на поклоненіе иконѣ собирается вся окрестность, и даже много богомольцевъ являются сюда пѣшкомъ изъ Петербурга.

Отъ часовни мы направились вдоль по берегу канала Александра II. Съ каждымъ шагомъ передъ нами все шире и грандіознѣе развертывалось хладное Нево; сѣрыя, мутныя волны бороздили его поверхность; вдали, на горизонтѣ, попрежнему чернѣла линія стоявшихъ на якорѣ судовъ, влѣво еле замѣтною полоскою мелькала башня Кошкинскаго маяка. По берегу канала тянулись домики и лачужки городской окраины. Нѣсколько барокъ вдали медленно подвигались одна за другою, влекомыя каждая четверкою тощихъ лошадей.

На берегу одиноко стоялъ какой-то приказчикъ, вглядываясь въ проходившія суда.

— Что сто́итъ провести судно отъ Ладоги досюда?—обратился къ нему одинъ изъ моихъ спутниковъ, доставая на всякій случай записную книжку.

— Если на четверку,—отвѣчалъ приказчикъ:—такъ полагается рублей 50—60, не болѣе.

— А сколько отсюда до Ладоги?

— Сто четыре версты. Теперь куда дешевле стало,—прибавилъ онъ.—Въ настоящее время всякій воленъ хоть своихъ коней впрячь, теперь свободно, а лѣтъ десятокъ тому назадъ тяга была откуплена: держало нѣсколько хозяевъ въ Новой Ладогѣ, и, кромѣ нихъ, никто судовъ водить не могъ. Тогда за этотъ же конецъ платили рублей по полутораста.

Мы повернули обратно къ городу, и передъ нами снова потянулись угрюмыя стѣны крѣпости. Точно обрывки какихъ-то тяжелыхъ воспоминаній, неслись надъ нею разорванныя облака. Небо было сумрачно; дождь опять начиналъ накрапывать. Тоскливое чувство производили при этой обстановкѣ унылыя стѣны.

— Воля ваша,—воскликнулъ одинъ изъ моихъ товарищей:—а дѣшняя крѣпость скорѣе похожа на какую-то тюрьму...

— Да вѣдь она же и была тюрьмой,—перебилъ его обладатель записной книжки:—съ основаніемъ Петербурга, новгородскій сторожевой острогъ сталъ острогомъ столицы, но уже въ современномъ значеніи слова. У меня кое-что записано о содержавшихся здѣсь знатнѣйшихъ узникахъ. Во-первыхъ, сюда была послана Петромъ первая жена его, Евдокія Ѳедоровна Лопухина; здѣсь содержалась царевна Марія Алексѣевна, которая и скончалась въ крѣпости. Затѣмъ при Аннѣ Іоанновнѣ сюда были заключены Бирономъ князья Василій Владиміровичъ Долгорукій и Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, оба птенцы гнѣзда Петрова; Голицынъ и меръ здѣсь въ 1738 году. Здѣсь же содержался и самъ Бирономъ,

недолго, впрочемъ, но самымъ знатнымъ узникомъ крѣпости былъ несчастный Іоаннъ Антоновичъ, заколотый въ своемъ казематѣ въ ночь дерзкой попытки Мировича съ 4 на 5 іюля 1764 года.

Мы шли молча: много говорила въ своемъ безмолвіи эта мрачная громада!

Между тѣмъ нашъ историкъ продолжалъ перелистывать свою книжку.

— А вотъ и еще кое-что о крѣпости,—сказалъ онъ:—на этотъ разъ о воротахъ и башняхъ. Первая башня—Государева, служитъ главнымъ входомъ; она прикрыта снаружи частоколомъ. Ворота деревянныя, шведскія, съ вырѣзанною надписью 1649 года. На Неву выходитъ башня Головина, адмирала; за нею, къ городу, башня Головкина, графа и государственнаго канцлера. Оба они непосредственно участвовали вмѣстѣ съ Зотовымъ, Нарышкинымъ и Меншиковымъ въ укрѣпленіи Шлиссельбурга послѣ осады. Далѣе слѣдуетъ башня Флажная на углу озера къ новому каналу; на ней поднимался крѣпостной флагъ. Въ противоположномъ углу, на озеро—башня Королевская; здѣсь при шведахъ былъ маякъ. Между Королевской и Государевой башня Свѣтличная, или Княжеская. Тутъ же былъ бастіонъ съ жилыми покоями. Вотъ и всѣ башни. Записано еще что-то о башнѣ Колокольной посреди крѣпости, но тутъ у меня зачеркнуто, такъ что о ней лучше говорить не буду.

Мы уже миновали часовню, гостинницу, и подходили теперь къ павильону, забранному проволочной сѣткою, о которомъ я упоминалъ выше. Въ немъ оказался большой катеръ, выкрашенный синею краскою, съ золотымъ ободкомъ по борту, и небольшой, старинный ботикъ. Мы обошли кругомъ весь павильонъ и ни съ которой стороны не встрѣтили хотя бы малѣйшаго признака какой нибудь надписи.

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ проходившему мимо обывателю:—какія лодки хранятся въ этомъ зданіи?

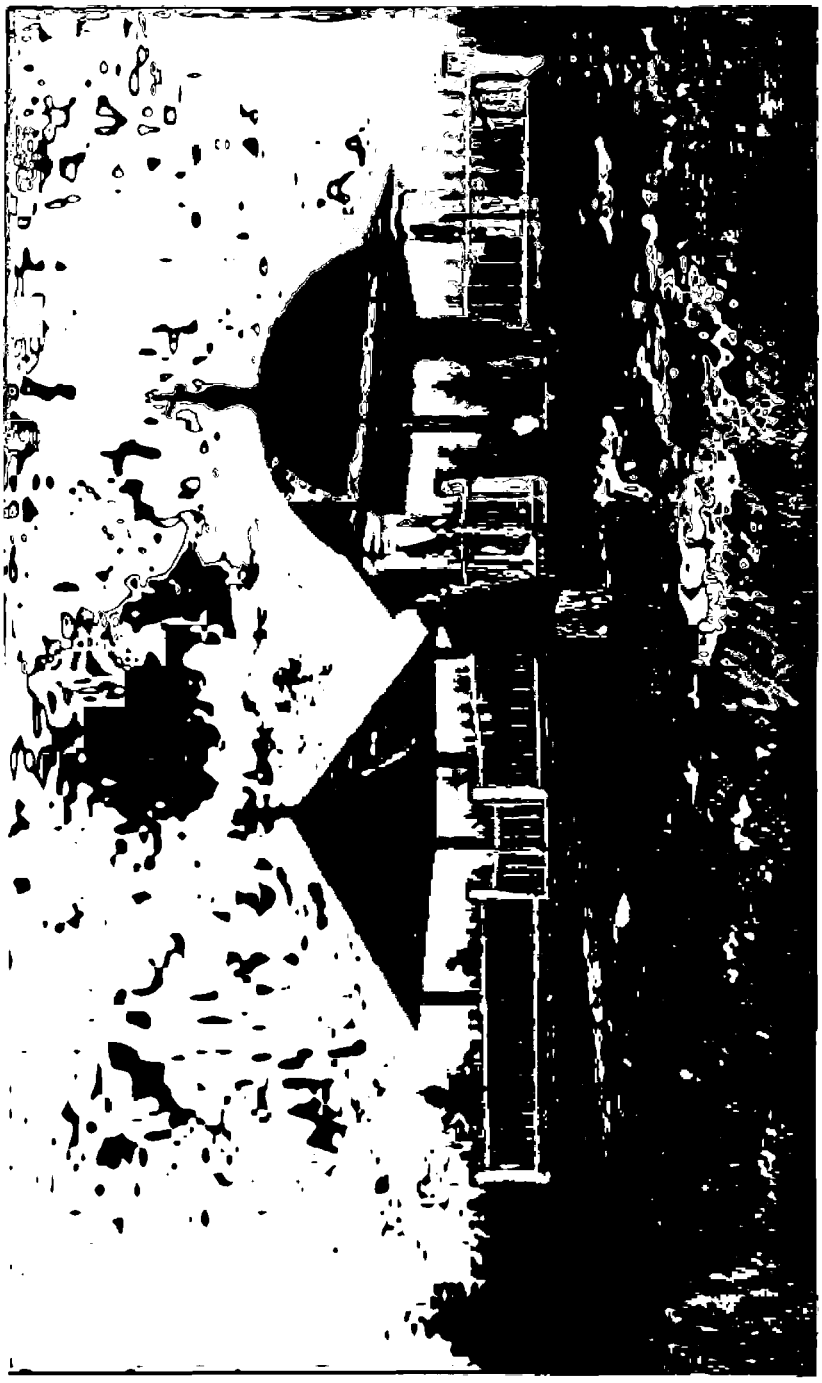
— А это-съ ботикъ императора Петра Перваго и катеръ императора Александра Втораго. Въ нихъ государи плавали при открытіи каналовъ. Вѣдь у насъ два канала-съ: Александровскій, новый, и Петровскій—старый.

— Почему нѣтъ никакой подписи?

Обыватель улыбнулся..

— Помилуйте, да зачѣмъ же надпись, коли мы и такъ знаемъ-съ?

Черезъ нѣсколько шаговъ мы уже очутились у шлюзовъ Петровскаго канала. Эти гранитные шлюзы построены лѣтъ около 60 назадъ вмѣсто прежнихъ обветшавшихъ. По словамъ техниковъ, они представляютъ собою образецъ прочности; гранитныя глыбы, изъ которыхъ они сложены, по величинѣ своей и чистотѣ кладки, выдѣляются изъ ряда подобныхъ сооруженій въ Россіи.



Крестъ и колодезь близъ Шлиссельбурга.

Мы взяли влѣво и вскорѣ подошли къ мосту, соединяющему берега канала. На томъ берегу высилось бѣлое зданіе мѣстнаго собора съ довольно высокою колокольнею. Почти все пространство между мостомъ и Невою было занято шлюзами, расположенными въ два ряда, а по другую сторону моста прямой, широкой лентою тянулся вдаль и самый каналъ, возникшій по мысли того же государя Петра Алексѣевича, равно неутомимаго какъ въ дѣлахъ войны, такъ и въ дѣлахъ мира.

Основавъ для развитія внѣшней торговли Вышневолоцкую систему, служащую соединеніемъ Волги съ Невою, Петръ увидѣлъ, какъ гибеленъ для русскихъ плоскодонныхъ судовъ проходъ изъ Волхова въ Неву по бурному Ладожскому озеру, и рѣшилъ, не теряя времени, устроить каналъ въ обходъ этого опаснаго пространства. Сначала онъ думалъ созвать на работу народъ со всего государства, но потомъ, «милосердуя о народѣ», сдалъ работу на подрядъ петербуржцу Озерову и москвичу Попову съ платою по 1 рублю 16 алтынъ за кубическую сажень выемки и съ обязательствомъ со стороны подрядчиковъ окончить работу въ 2 года.

Весною 1719 года послѣдовало открытіе работъ въ Новой Ладогѣ. Послѣ молебствія государь первый собственноручно наполнилъ землею три тачки и отвезъ ихъ на мѣсто будущей дамбы. Смотрителемъ надъ работами былъ поставленъ любимецъ Меншикова, Скорняковъ-Писаревъ, оказавшійся очень плохимъ и недобросовѣстнымъ распорядителемъ. Два года прошли, а каналъ не только не былъ готовъ, но подрядчики еще просили прислать имъ солдатъ, такъ какъ рабочихъ у нихъ не хватало. На работы отправили 15 тысячъ казаковъ и 16 драгунскихъ полковъ, всего около 27 тысячъ человѣкъ. Петръ, находившійся въ это время въ Персіи, былъ вполнѣ увѣренъ въ скоромъ открытіи канала и въ указѣ, посланномъ въ Петербургъ, приказалъ изготовить суда для навигаціи по каналу лѣтомъ 1722 года. Между тѣмъ, въ этомъ году на каналъ послано еще 19 полковъ драгунскихъ и 21 пѣхотный.

Лишь только Петръ вернулся въ Москву, онъ первымъ долгомъ спросилъ о каналѣ, и тутъ передъ нимъ во всей наготѣ раскрылась неприглядная дѣйствительность: изъ всего пространства въ 104 версты каналъ былъ прокопанъ всего лишь на 12, а въ остальныхъ мѣстахъ едва только приступлено къ работамъ. Можно судить, какъ огорчило Петра это извѣстіе. Немедленно веденіе дѣлъ было отнято у Писарева и передано недавно принятому на русскую службу Миниху. Въ октябрѣ 1723 года Петръ лично осмотрѣлъ работы на каналѣ и велѣлъ нарядить надъ Писаревымъ слѣдствіе, а двухъ голландскихъ мастеровъ, бывшихъ при работахъ, взять подъ арестъ.

Минихъ вскорѣ привелъ дѣло въ порядокъ и далъ ему надлежащій ходъ; благодаря энергіи и благоразумнымъ мѣрамъ, ему

удалось привлечь массу вольнонаемныхъ работниковъ, такъ что въ 1724 году у него было до 7.000 вольныхъ землекоповъ, а солдатъ прислано только 5 полковъ.

Въ октябрѣ 1724 года Петръ снова явился на каналѣ. Минихъ ожидалъ его въ Новой Ладогѣ, гдѣ все уже было готово для открытія новаго участка канала, который за это время успѣли окончить. Государь лично пробилъ лопатою плотину и, спустившись затѣмъ въ каналъ на ботикѣ вмѣстѣ съ Минихомъ, онъ въ восторгѣ бросилъ вверхъ свою шляпу и прокричалъ: ура! Вернувшись въ Петербургъ, веселый и довольный, онъ заявилъ Екатеринѣ: «Работа Миниха сдѣлала меня здоровымъ. Надѣюсь современемъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать водою изъ Петербурга и стать въ Москвѣ у Головинскаго сада на Яузѣ».

Увы, надеждѣ этой не суждено было исполниться. Въ слѣдующемъ году Петръ умеръ, и для канала настали трудныя времена. Но Минихъ не унывалъ, ревностно продолжая дѣло, оставленное на его рукахъ покойнымъ государемъ, и въ 1728 г. довелъ каналъ до устья рѣки Кабоны (въ 60 верстахъ отъ Новой Ладоги). Чтобы дать судоходству возможность немедля же воспользоваться этой готовою частью канала, онъ устроилъ здѣсь шлюзъ для выпуска судовъ въ озеро. Черезъ два года каналъ былъ доведенъ до Шлиссельбурга и 19 марта 1731 г. открытъ для судоходства въ присутствіи императрицы Анны Іоанновны. Такимъ образомъ два года, назначенные первоначально на работы, растянулись на цѣлыхъ 12 лѣтъ. Минихъ и въ чинѣ генералъ-фельдмаршала не переставалъ заботиться о каналѣ. При Екатеринѣ онъ былъ назначенъ генералъ-директоромъ канала и тотчасъ же приступилъ къ возобновленію шлюзовъ и водоспусковъ, замѣнивъ многіе изъ нихъ каменными. Въ 1765 году Екатерина лично осматривала каналъ и повелѣла устроить въ Новой Ладогѣ второе устье для большаго удобства при проходѣ судовъ. Со смертью Миниха, оставившаго особый трудъ о каналѣ: «Recueil des ecluses et des travcaux du grand canal de Ladoga», большинство работъ прекратилось, и каналъ началъ мало-по-малу приходить въ запустѣніе. А между тѣмъ польза его для торговли была очевидна. Въ 1734 году по нему прошло товаровъ на сумму 4 милліона рублей; въ 1765 году Минихъ уже доносилъ Екатеринѣ, что сумма удвоилась, впослѣдствіи же, съ устройствомъ Маріинской системы (при Павлѣ I) и Тихвинской (при Александрѣ I), по водамъ его въ 1820 году переправлено грузовъ на 30 милліоновъ рублей, а къ 1860 году сумма эта возросла до ста милліоновъ.

IV.

Скажу теперь нѣсколько словъ о каналѣ Александра II и о причинахъ, вызвавшихъ его сооруженіе. Для этого необходимо предварительно вкратцѣ передать позднѣйшую исторію Петровскаго канала.

Я уже упомянулъ, что по смерти Миниха каналъ началъ приходить въ запустѣніе; но мѣрѣ того, какъ онъ напоминалъ о себѣ, о немъ вспоминали, но не надолго. Злоключенія начались еще съ 1774 года, когда онъ лѣтомъ обмелѣлъ на столько, что все судоходство пріостановилось, и торговля понесла значительные убытки. Усилили резервуары канала присоединеніемъ ближайшихъ, маленькихъ озеръ. Въ 1790 году судовъ накопилось много, а двигаться имъ пришлось такъ медленно, что многія изъ нихъ были захвачены зимою, и около четырехъ тысячъ лѣсныхъ гонокъ замерзло въ каналѣ. Тогда устроили второе устье канала въ Шлиссельбургѣ, прокопанное уже по повелѣнію Павла I. Въ 1817 году каналъ снова обмелѣлъ на столько, что нашли необходимымъ углубить на 4 фута его засорившееся дно, на всемъ протяженіи до Ладоги. Шлюзы, водоспуски и остальныя сооруженія къ этому времени уже сильно обветшали, требовался общій ремонтъ. Въ виду этого ремонта было рѣшено, не углубляя дна, поднять уровень воды посредствомъ будущихъ, новыхъ шлюзовъ; но такъ какъ ремонтъ всѣхъ сооруженій требовалъ большихъ расходовъ, то дѣло и откладывалось съ года на годъ. А между тѣмъ, въ засуху 1826 года Петербургъ, благодаря каналу, чуть не остался на зиму безъ дровъ и другихъ предметовъ первой необходимости. Осенніе дожди поправили дѣло, но торговля, всетаки, понесла значительныя потери. Тогда императоръ Николай I повелѣлъ соорудить новые, гранитные шлюзы и возобновить всѣ прочія сооруженія (которыя существуютъ и до нашего времени). Но, запущенный сначала, каналъ продолжалъ засариваться попрежнему, и, не смотря на новые шлюзы, углубленіе его на 4 фута, всетаки, оказывалось необходимымъ. Эта операція по смѣтѣ обошлась бы не менѣе какъ въ два съ половиною милліона рублей. Надъ этой суммою пришлось призадуматься. Петербургское купечество въ 1857 году предложило устроить для этой цѣли особый $^1/_4\%$ сборъ съ грузовъ, проходящихъ каналомъ; такимъ образомъ расходы со временемъ могли бы покрыться, но изъ подрядчиковъ никто не хотѣлъ браться за работу, такъ какъ, по причинѣ движенія судовъ, копать можно было только поздней осенью и ранней весною, и при такихъ условіяхъ работа затянулась бы лѣтъ на семь. А между тѣмъ каналъ не ждалъ; засореніе дна прогрессивно подвигалось впередъ; приходилось уже ограничивать количество груза на судахъ, чтобы уменьшить глубину ихъ осадки, грузовъ же въ то время приходило уже на сумму до 100 милліоновъ. Обратились къ извѣстному тогда подрядчику Гладину,

прокопавшему незадолго передъ тѣмъ два канала: Бѣлозерскій и Онежскій; но и Гладинъ, въ виду предъявленныхъ условій, отказался отъ работы, утверждая, что производить ее во время осенней сырости и въ особенности раннею весною значило обречь большинство рабочихъ на вѣрную смерть. Но остановить движеніе судовъ было невозможно. Положеніе оказывалось безвыходнымъ.

Тутъ въ министерствѣ путей сообщенія, которымъ управлялъ тогда К. В. Чевкинъ, явилась мысль провести рядомъ со старымъ каналомъ другой, сооруженіе котораго могло производиться въ сторонѣ, безъ всякой помѣхи для судоходства. Главнымъ неудобствомъ приладожскихъ каналовъ служитъ то обстоятельство, что уровень озера періодично, впродолженіе каждыхъ семи лѣтъ, то поднимается, то опускается, причемъ разница между высокимъ и низкимъ уровнемъ доходитъ до 7 футовъ,—обстоятельство, бывшее извѣстнымъ еще Миниху. Въ виду этого рѣшено было устроить новый каналъ открытымъ, безъ шлюзовъ, на одномъ уровнѣ съ озеромъ, и слѣдовательно обезпеченнымъ отъ засухи и тому подобныхъ превратностей. Купечество не замедлило откликнуться на эту благую мысль и для покрытія расходовъ по сооруженію канала превратило $^1/_4\%$ сборъ съ грузовъ въ полупроцентный.

28-го февраля 1861 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ открытіи работъ, которыя были поручены Гладину за 4.600,000 рублей оптомъ, съ обязательствомъ окончить каналъ въ пятилѣтній срокъ. Надзоръ за работами былъ возложенъ на особый комитетъ. Производителемъ работъ назначенъ инженеръ-полковникъ Казнаковъ, составившій историческій очеркъ ладожскихъ каналовъ (изъ котораго и заимствовано большинство сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній).

Въ 1866 году каналъ былъ оконченъ уже сыновьями Гладина и обошелся со всѣми сверхсмѣтными расходами около 5 милліоновъ рублей. Эта затрата съ лихвою окупается представляемыми имъ удобствами, такъ какъ даже при самомъ низкомъ уровнѣ озера глубина канала бываетъ, всетаки, не менѣе $2^1/_2$ аршинъ, и слѣдовательно всѣ убытки, происходившіе отъ засухи на старомъ каналѣ, теперь устранены; кромѣ того, на немъ нѣтъ шлюзовъ, а слѣдовательно нѣтъ и задержекъ, неизбѣжныхъ на каждомъ шлюзѣ. Тяжело нагруженныя суда проходятъ его на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, слѣдовательно съ отдыхами въ трое сутокъ, на перемѣнныхъ же могутъ пройти въ 24 часа.

Каналъ былъ открытъ лично императоромъ Александромъ II 1-го сентября 1866 года. Купечество, принося государю императору глубокую признательность за это благодѣтельное сооруженіе, просило разрѣшенія наименовать новый каналъ именемъ его величества. Государь на это соизволилъ съ тѣмъ, чтобы старый каналъ именовался впредь каналомъ императора Петра Великаго.

По каналу Александра II проходятъ теперь тяжело грузныя суда, дровяныя барки и проч., по Петровскому же идутъ плоты, сѣнныя барки и пустыя суда, возвращающіяся изъ Невы въ Волховъ.

Два такихъ судна проходили теперь изъ шлюзовъ въ каналъ. За мостомъ къ нимъ припрягли по парѣ лошадей, и суда медленно тронулись въ путь къ Ладогѣ. Подъемная часть моста была опущена, и сообщеніе между двумя берегами возстановлено.

Мы перешли мостъ и поднялись на небольшую насыпь, тянущуюся по берегу вдоль канала, на которой расположенъ городской бульваръ. Тамъ мы присѣли отдохнуть послѣ долгаго стоянія у моста.

Спутники мои заинтересовались небольшимъ судномъ, стоявшимъ у противоположнаго берега.

— Странная форма! —замѣтилъ одинъ:—и конструкція какая-то особая.

— Это не грузовое,— отвѣчалъ другой;—смотрите, надъ бортами выведены стѣны, и внизу получилось крытое помѣщеніе, а на палубѣ перила: очевидно, перевозится что-то живое.

— Телятникъ, быть можетъ?

— Очень вѣроятно. Можетъ быть, и свиней, и барановъ перевозятъ. Скотъ покрупнѣе—внизъ, помельче—наверхъ, для того и перила. Вѣроятно, такъ рядами и ставятъ.

По бульвару, постукивая палкою, шелъ какой-то старичекъ.

— Скажите, пожалуйста,—обратились они къ нему: — это, вѣроятно, телятникъ?

— Гдѣ?

— Да вонъ тамъ, у моста.

Старичекъ слегка обидѣлся.

— Помилуйте, господа, какой же это телятникъ? Развѣ не видите, что это трешкотъ.

— Такъ вотъ онъ какой, трешкотъ-то!—засмѣялись мои спутники:—извините, мы его въ первый разъ вицимъ, а еще хотѣли сами ѣхать на трешкотѣ въ Ладогу.

— А вы откуда изволите быть?

— Изъ Питера.

— По дѣламъ или такъ?

— Такъ; путешествуемъ: изъ Питера сюда, отсюда въ Ладогу, а тамъ по Волхову.

— Такъ-съ. Только въ Ладогу вамъ на трешкотѣ не доѣхать. Придется на пароходѣ по тому каналу, а трешкотъ ходитъ только до Лавы, верстъ за 40 отсюда.

— Почему же?

— Нѣтъ расчету. До Лавы-то еще кое-кто изъ окрестныхъ мужичковъ набираются, а кому дальше, тѣ ужъ всѣ на пароходъ.

— Экая жалость!

— Вотъ вы говорите, жалость,—засмѣялся старичекъ:—а другой ни за что на трешкотъ-то и не сядетъ.

— Что-жъ такъ?

— По причинѣ насѣкомыхъ; тамъ ихъ все равно, что въ Ноевомъ ковчегѣ.

Съ бульвара мы направились къ собору, находящемуся напротивъ, въ нѣсколькихъ шагахъ; старичекъ шелъ въ ту же сторону.

— Что это за обгорѣлыя развалины по ту сторону моста?—спросилъ я его.

— А это, сударь, Лондонъ, гостинница такая была, первая во всемъ городѣ. Держалъ ее купецъ Матросовъ; и пѣсельники тутъ пѣли, и арфянистки пріѣзжали, и разные. Ну, а потомъ дѣла хуже пошли: городъ-то теперь вѣдь совсѣмъ замеръ; гостинницу закрыли, а черезъ нѣсколько времени и домъ сгорѣлъ, да такъ вотъ и стоитъ.

— Отчего же теперь городъ замеръ?

— Помилуйте, а каналъ-то новый! Все черезъ него.

— Какъ такъ?

— Да какъ же! Прежде бывало по этому-то каналу суда идутъ, не идутъ, а судовъ много скопится здѣсь у шлюзовъ-то—тѣснота, стоятъ, ждутъ очереди. Ну, хозяева тамъ, приказчики, довѣренные, ужъ всѣ на берегу, конечно, дѣлать-то имъ на судахъ нечего, ну, и гуляютъ. Многіе опять же и зимовали съ судами. Тутъ квартира, съѣстные припасы, наемъ сторожей на суда, все это понемножку, понемножку, да въ городѣ оставалось. А теперь, съ новымъ-то, всѣ мимо да мимо: шлюзовъ нѣтъ, и задержки нѣтъ; катятъ себѣ прямо въ Неву и, шабашъ, только ихъ и видѣли!

На углу соборной ограды стояла довольно красивая часовня.

— Это для иконы, для Казанской-то Божіей Матери,—пояснилъ старичекъ. — Прежде какъ ее въ городъ приносили, такъ здѣсь и ставили, а потомъ крѣпостное духовенство свою часовню на берегу соорудило. А соборъ у насъ древній, больше ста лѣтъ ему; еще при Екатеринѣ II выстроенъ, во имя Благовѣщенія.

Но соборъ, загроможденный внутри массою колоннъ и пилястровъ, не представляетъ собою ничего достопримѣчательнаго. Болѣе интереснымъ показался мнѣ зимній соборъ во имя Николая Чудотворца, скорѣе похожій на частный домъ прошлаго столѣтія, приспособленный къ религіознымъ цѣлямъ.

За соборомъ, вдоль Невы—земляной валъ, покрытый деревьями. Съ оконечности его открывается красивый видъ на Екатерининскій островъ, гдѣ, на мѣстѣ бывшаго Петровскаго дворца, находятся зданія Шлиссельбургской ситцевой мануфактуры. Вдали, за островомъ, красивымъ силуэтомъ поднимается надъ водою Преображенская гора, куда мы рѣшили отправиться завтра утромъ, такъ какъ уже начинало смеркаться.

V.

Къ утру погода разгулялась, и мы направились къ Преображенской горѣ. Прошли по знакомому уже мосту къ собору, затѣмъ мимо вала по берегу, и передъ нами снова развернулся Екатерининскій островъ съ мануфактурою.

При Петрѣ на этомъ мѣстѣ былъ построенъ дворецъ на случай его пріѣздовъ. Говорятъ, что нѣкоторое время здѣсь жила и Екатерина I. Въ немъ же останавливалась и Екатерина II, когда пріѣзжала въ 1765 году въ Шлиссельбургъ для осмотра канала. Въ то время на островѣ уже существовала фабрика. За два года передъ тѣмъ иностранцы Сириціусъ и Лиманъ просили у императрицы это мѣсто для устройства ситцевой мануфактуры. Государыня отвела имъ островъ, съ условіемъ хранить находившійся на немъ Петровскій дворецъ; на устройство же мануфактуры имъ было пожаловано займообразно 30.000 рублей. Фирма владѣла фабрикою около 50 лѣтъ, но дѣла шли не важно, и въ 1814 году все заведеніе было продано купцу Веберу. Веберъ сначала повелъ дѣло на широкую ногу, но кончилъ тѣмъ, что разорился. Фабрика еще разъ перемѣнила владѣльца, и опять неудачно. Наконецъ уже въ 1830 году ее, по предложенію графа Канкрина, купилъ извѣстный въ то время Битепажъ за 200.000 рублей ассигнаціями; подъ его управленіемъ дѣла пошли хорошо, и ситцы Шлиссельбургской мануфактуры получили широкую извѣстность. Теперь фабрика находится въ рукахъ англичанъ. Въ домѣ главнаго управляющаго устроенно нѣсколько парадныхъ комнатъ, на случай пріѣзда высочайшихъ особъ; Петровскій же дворецъ, за ветхостію, давно уже сломанъ съ дозволенія правительства.

Миновавъ второе устье Петровскаго канала, выходящее къ острову, мы обогнули фабрику по набережной Черной рѣчки, которая отдѣляетъ островъ отъ берега и у подножія Преображенской горы изливается въ Неву.

Пока мои спутники фотографировали устье Черной рѣчки, насъ окружили любопытные, слонявшіеся отъ нечего дѣлать по берегу; одинъ изъ нихъ вызвался проводить насъ на Преображенское кладбище и указать могилу «раскольника» Шилова.

Шиловъ можетъ считаться однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ скопческой секты. Въ 1775 году надъ скопцами было наряжено слѣдствіе. Пойманный въ Тулѣ, Шиловъ былъ доставленъ въ Тамбовъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими скопцами-совратителями былъ битъ батогами и сосланъ въ Ригу, въ Динамюндскую крѣпость. Но въ крѣпости ихъ содержали слабо, отпускали въ городъ, и въ нѣмецкой Ригѣ Шиловъ успѣлъ завести свои радѣнія и найдти прозелитовъ среди солдатъ Нотенбургскаго полка и др.

Съ воцареніемъ императора Павла I у скопцовъ появились какія-то очень опредѣленныя надежды; дѣло въ томъ, что Селивановъ, находившійся въ это время въ Сибири, почти съ самаго начала своей пропаганды выдавалъ себя за государя Петра III, будто бы спасшагося отъ преслѣдовавшей его супруги, и большинство скопцовъ были твердо убѣждены въ его царственномъ происхожденіи. По вступленіи на престолъ новаго императора, петербургскіе скопцы такъ энергично повели дѣло, что обратили на себя вниманіе двора, и въ декабрѣ 1796 года Шиловъ съ другимъ скопцомъ Поповымъ были привезены изъ Риги въ Петербургъ и представлены государю, который долго говорилъ съ ними, а затѣмъ переданы петербургскому военному губернатору Архарову. 27-го января 1797 года и самъ Селивановъ былъ привезенъ во дворецъ, но послѣ разговора съ государемъ въ тотъ же день подъ именемъ «неизвѣстнаго» отправленъ въ домъ сумасшедшихъ при Обуховской больницѣ. Черезъ два дня и Шиловъ, вмѣстѣ съ поднявшими тревогу скопцами, былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Говорятъ, будто бы въ 1799 году императоромъ Павломъ былъ посланъ указъ объ его освобожденіи, но узникъ не дождался указа и умеръ въ то время, какъ посланный явился въ крѣпость. Утверждаютъ также, что Шиловъ былъ первымъ узникомъ, тѣло котораго разрѣшили похоронить внѣ крѣпостныхъ стѣнъ.

Сначала его схоронили внизу подъ горою, у Невы, но могилу размывало водою, вслѣдствіе чего было исходатайствовано позволеніе перенести гробъ на гору. Могила находится теперь на красивомъ пригоркѣ, посреди сосноваго лѣса, покрывающаго всю вершину Преображенской горы. Говорятъ, что на прежнемъ мѣстѣ подъ памятникомъ была порядочная яма, прокопанная руками являвшихся сюда на поклоненіе сектантовъ. Они будто бы опускали туда разную пищу для освященія и брали изъ могилы песочекъ, обладавшій, по ихъ вѣрованію, цѣлебною силой. Теперь этого уже ничего нѣтъ. Прежній маленькій памятникъ, въ видѣ гробницы, помѣщенъ на непропорціонально большемъ пьедесталѣ. Все окружено новой деревянною рѣшеткой и содержится въ большомъ порядкѣ.

Мы обошли памятникъ кругомъ. На гробницѣ вверху слѣдующія надписи: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Подъ симъ памятникомъ погребено тѣло раба Божія Александра Ивановича Шилова»; на другой сторонѣ: «предадѣ духъ свой въ руцѣ Божіи въ 1799 году, генваря 6-го дня по полуночи въ 2 часа. Житія его было 87 лѣтъ. Уроженецъ Тульской губерніи, села Маслова». Съ третьей, узкой, стороны изображенъ крестъ, а на противоположной, четвертой — Адамова голова и надъ нею надпись: «Памятникъ сей сооруженъ 1829 года. Возобновленъ 1889 года».

Отсюда мы направились къ откосу, выходящему на Неву, и долго любовались сверху панорамою города и крѣпости. Пока мои спутники дѣлали наброски, къ намъ подошелъ новый любопытный, чернобородый, въ сибиркѣ, оказавшійся приказчикомъ. Мы разговорились.

— Сколько у васъ жителей?—спросилъ я.

— Да по календарю-то 10 тысячъ считается, а на дѣлѣ развѣ тысячи 3 съ небольшимъ наберется коренныхъ-то. Только ужъ и народъ же здѣсь!

— А что?

Онъ покачалъ головою.

— Гольтепа народъ, да и шельмы здоровые, а ужъ насчетъ вина, такъ... Вообще городишка плохой, бѣдный. Лѣтомъ еще туда-сюда, а ужъ зимой и совсѣмъ гадко.

— Чѣмъ же занимаются?

— Да вотъ кто на фабрику ходитъ, у кого торговлишка маленькая есть, другіе коней держатъ по тройкѣ, по двѣ ямскихъ, здѣсь вѣдь трактъ проходитъ на Архангельскъ, а остальные, прочіе, просто изъ угла въ уголъ слоняются до весны.

— А весною?

— Ну, тамъ суда подойдутъ, все кое-какая работишка найдется. А вы, должно быть, не здѣшніе?

— Нѣтъ.

— Проѣздомъ?

— Проѣздомъ.

— По дѣламъ, или такъ?

— Такъ.

— Въ церкви здѣшней кладбищенской не были?

— Собираемся посмотрѣть.

— Угодно, такъ я провожу; мнѣ пока все равно дѣлать нечего. Пойдемте. Церковь здѣсь скопцами выстроена: купецъ Борисовъ такой былъ; подлѣ церкви и домъ для себя выстроилъ, вонъ между соснами-то видать, двухъэтажный, прежде священники-то въ городѣ жили, а послѣ него здѣсь и поселились.

Мы вошли въ ограду; кругомъ все чисто, опрятно; церковь окружена довольно красивыми памятниками. Черезъ ограду смотритъ кругомъ вѣчно зеленый сосновый боръ и шумитъ надъ тихимъ кладбищемъ, разгоняя мрачныя мысли о смерти и уничтоженіи; словомъ, впечатлѣніе получается далеко не грустное, а скорѣе пріятное, не холодящее, а согрѣвающее душу.

Въ церкви мы не нашли ничего особенно замѣчательнаго. Она построена на средства купцовъ Борисова и Солодовникова въ 1819 году. Колокольня пристроена Борисовымъ позднѣе, а именно въ 1833—1834 гг., въ память воиновъ, убитыхъ при взятіи Шлиссельбургской крѣпости и погребенныхъ на мѣстѣ построенія храма.

На стѣнѣ справа находится мѣдная доска съ слѣдующей надписью: «Списокъ съ чугунной доски, находящейся противъ сего мѣста надъ гробомъ Г. Борисова. «На семъ мѣстѣ погребено тѣло р. б. Григорія Филипова Борисова, родившагося 1776 г., ноября 13 дня, крестьяниномъ Калужской губерніи, Тарусскаго уѣзда, села Истомина, полковницы Вѣры Борисовны Масловой, умершаго въ 1844 году, мѣсяца генваря 24 дня по полудни 5-го полчаса, санктпетербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ и почетнымъ гражданиномъ и строителемъ Преображенскаго храма Господня на Шлисинбургской Преображенской горѣ и усерднымъ былъ отъ юности ко святымъ церквамъ. А житія его было 67 л. 2 мѣс. 11 дней. О гробе мой, гробе, о темный мой доме, тѣлу моему хранитель и костямъ раздробитель; во вѣки мнѣ въ тебѣ пребывати, суда Божья ожидати. 26 пудовъ 35 фунтовъ».

Подходя къ противоположнымъ воротамъ кладбища, мы замѣтили въ уголкѣ нѣсколько памятниковъ съ англійскими надписями: это оказались могилы лицъ администраціи ситцевой мануфактуры.

Выйдя въ лѣсъ, мы тронулись обратно къ городу. Налѣво, между деревьями, мелькали памятники кладбища, продолжающагося и за оградою. По лѣсу раздавалось жалобное причитаніе женскаго голоса на чьей-то, вѣроятно, еще свѣжей могилѣ.

— А у креста Петра Перваго не были? — освѣдомился приказчикъ.

— Нѣтъ. А гдѣ онъ?

— За городомъ: вонъ виднѣется подъ лѣсомъ. Угодно, такъ проведу.

— Будемъ очень благодарны.

Мы уже спустились съ горы и шли по Петербургскому шоссе, называемому здѣсь Архангельскимъ трактомъ. Впереди, въ полуверстѣ, начинался городъ. Влѣво, на холмѣ, покрытомъ крестами и памятниками, стояла толпа народа, больше женщины, изъ нихъ многія съ образами.

— Это женщину одну хоронятъ, раскольницу, — пояснилъ путеводитель:—тутъ для нихъ, для старовѣровъ, кладбище новое отведено.

Мы свернули вправо на поле и напрямикъ по кочкамъ направились къ краснѣвшимъ подъ лѣсомъ двумъ крышамъ на каменныхъ столбахъ.

— Про нашъ городъ книжка была написана, старая, еще чуть ли не сороковыхъ годовъ изданіе, такъ въ той книжкѣ ничего про крестъ толкомъ не сказано. Сказано только: вѣроятно, молъ, новгородцами поставленъ, за то, что здѣшнихъ жителей въ нашу вѣру привели. А старики про него другое говорятъ: на этомъ мѣстѣ, сказываютъ, во время осады преображенцы наши стояли, и было

имъ изъ-за воды большое неудобство, потому къ Невѣ и подойти было опасно: шведы били по всѣмъ, кто только на берегу показывался. Вотъ Петръ Великій и велѣлъ выкопать колодецъ въ самомъ лагерѣ, а рядомъ съ колодцемъ и крестъ будто бы своими руками поставилъ. Крѣпость взяли, а крестъ съ колодцемъ такъ на память и остались. Въ Казанскую сюда крестный ходъ бываетъ...

— А по какому случаю установленъ крестный ходъ?

— Говорятъ, въ давнія времена падежъ былъ на скотъ, такъ съ тѣхъ поръ и установили. Придутъ сюда, на колодцѣ водосвятный молебенъ отслужатъ, а потомъ идутъ влѣво, вонъ по той дорогѣ, къ старому каналу, на ключи.

Вскорѣ мы дошли до креста. Онъ стоитъ на перекресткѣ между двумя дорогами; колодезь находится нѣсколько ниже влѣво. Оба покрыты деревянными крышами на выбѣленныхъ, каменныхъ столбахъ. Крестъ несомнѣнно подновленъ. Въ книжкѣ, о которой упоминалъ нашъ провожатый, сказано, что онъ замѣняетъ древній крестъ, разрушившійся отъ времени. На немъ изображена фигура распятаго Спасителя; подножіе креста изрѣзано и изгрызано богомольцами, бравшими частички его съ собою, какъ средство отъ зубной боли; теперь оно кругомъ обшито досками.

— Есть еще и другой крестъ Петра Великаго, —замѣтилъ провожатый:—только тотъ подальше будетъ. Если идти по озеру берегомъ, мимо крѣпости, то версты за три отъ города будетъ мѣстность Ссѣчена и около нея рѣчка Ганнибаловка [1]), тамъ тоже находится Петровскій крестъ.

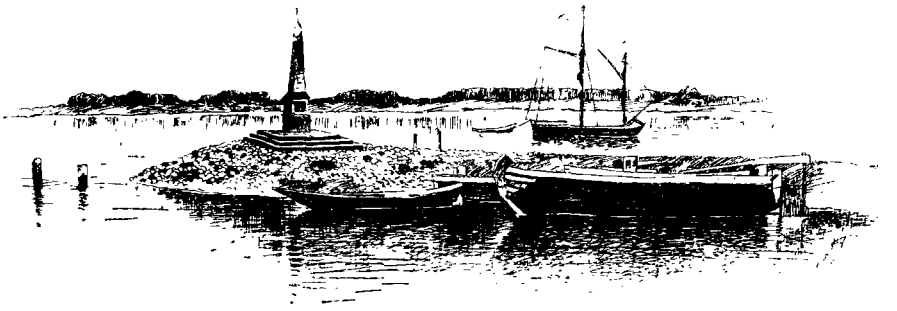
Въ городъ мы вернулись уже по широкой, но запущенной дорогѣ и простились съ своимъ чичероне.

Осмотръ Шлиссельбурга былъ оконченъ. Въ этотъ же день мы отправились далѣе по Александровскому каналу.

И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Извѣстный крестникъ Петра Великаго А. П. Ганнибалъ дѣйствительно былъ при работахъ на каналѣ.



Устье канала Александра III въ Шлиссельбургѣ.

ПО ПУТИ ИЗЪ «ВАРЯГЪ ВЪ ГРЕКИ» [1].

(Путевыя впечатлѣнія).

VI.

ПАРОХОДЪ «Первенецъ», отправлявшійся по каналу въ Новую Ладогу, рѣзко отличался своей внѣшностью отъ обыкновенныхъ невскихъ пароходовъ; у него почти не было палубы, исключая небольшой площадки у трубы, остальное же пространство было занято рубками перваго класса на кормѣ и втораго—на носу. Труба пристроена такъ скромно, что ее не сразу разглядишь; будка рулеваго на крышѣ возвышается надъ всѣмъ окружающимъ, словомъ типъ получается крайне оригинальный, хотя о красотѣ его лучше умолчу.

Мы рѣшили ѣхать во второмъ классѣ и, придя въ свою каюту-рубку, нашли ее наполненною исключительно женщинами; былъ еще, впрочемъ, старикъ въ длинномъ армякѣ и большомъ картузѣ.

Размѣстившись вчетверомъ на трехъ остававшихся свободными мѣстахъ, мы стали разсматривать нашихъ случайныхъ спутницъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 804.

Изъ интеллигенціи здѣсь были только двѣ нѣмки и одна еще не старая дѣвушка, какъ оказалось впослѣдствіи, дочь священника изъ Ладоги; остальныя же были богомолки, возвращавшіяся съ Валаама, торговки и проч. Противъ насъ у стѣны помѣщались двѣ кухарки изъ Петербурга, очевидно, живущія по «барамъ» и потому державшія себя съ достоинствомъ.

Мы еще не успѣли хорошенько оглядѣться, какъ за дверью послышались грузные, нетвердые шаги и чье-то тревожное уговариванье:

— Тятинька-съ! тятинька съ! пожалуйте-съ въ первый классъ, тамъ никого нѣтъ-съ; я тамъ вамъ особую-съ каютку занялъ...

Дверь быстро распахнулась, ударившись въ стѣну, и на порогѣ выросла дюжая фигура купца въ длинномъ сюртукѣ, въ высокихъ сапогахъ съ калошами и съ большимъ дождевымъ зонтикомъ въ рукѣ. Онъ обвелъ всѣхъ посоловѣвшими глазами, промычалъ что-то непонятное и качнулся въ сторону.

Видѣніе это продолжалось не болѣе двухъ-трехъ секундъ; чья-то невидимая рука, позади купца, поспѣшно захлопнула дверь, и шаги начали удаляться.

— Ишь ломится, по мужицкой манерѣ! — обратилась къ сосѣдямъ кухарка: — навѣрно, дровяникъ, изъ Питера ѣдетъ; радуется, что выгодно продалъ. Десятки народу теперь обсчиталъ, нищими сдѣлалъ, а самъ куражится! Поди-ка, теперь въ Питерѣ не одинъ мужичекъ бѣдный изъ-за него плачетъ, которые работали-то! А онъ что? купилъ да перепродалъ, вотъ и все; никакого его труда и не было, а денежки въ карманъ положилъ. Рабочіе плачутъ, а онъ пьянствуетъ, ломается. У! знаю я ихъ, мужиковъ, насмотрѣлась!

Старикъ въ большомъ картузѣ, сидѣвшій противъ нея на продольномъ, среднемъ диванѣ, глубокомысленно промолчалъ и потупился въ землю.

— А вы развѣ его одобряете? Или, по вашему, можно такое поведеніе одобрить?—не унималась кухарка.

— Кто-жъ его одобритъ,—нехотя процѣдилъ старикъ: —а только какъ онъ мой знакомый и я хорошо знаю...

— А вѣдь правда, что дровяникъ онъ?

— Дровяникъ.

Пароходъ тронулся. Часовня и прибрежныя постройки тихо поползли мимо нашего окна; съ противоположной стороны въ окнахъ показался силуэтъ крѣпости и, плавно двигаясь отъ окна къ окну, исчезъ за стѣною. Пароходъ вошелъ въ каналъ.

— Что же мы такъ тихо идемъ?—удивлялись мои спутники.

Дѣйствительно, нашъ «Первенецъ» подвигался отнюдь не скорѣе простой, хорошей лодки.

Мы вышли на площадку къ трубѣ. Тамъ одинъ изъ матросовъ

возился съ увѣсистой корзиною, поднимая ее на стоявшіе въ сторонкѣ ящики. Пароходъ шелъ тѣмъ же черепашьимъ шагомъ.

— У васъ машина не испортилась ли?—обратились мои спутники къ матросу.

Тотъ оставилъ корзину, выпрямился и оглядѣлся.

— Машина? Нѣтъ, кажись, цѣла... А что?

— Такъ отчего же мы такъ тихо идемъ?

Матросъ посмотрѣлъ на берегъ.

— Идемъ какъ слѣдуетъ,—отвѣчалъ онъ.

— Неужели вы все время такъ и пойдете?

— Такъ и пойдемъ.

— Въ которомъ же часу мы придемъ въ Ладогу?

— Да если какое судно поперегъ не станетъ, такъ придемъ завтра часу въ седьмомъ утра.

— А бываетъ, что и становятся?

— Бываетъ.

Вернувшись въ каюту, мы принялись за выкладки. Длина канала 104 версты; мы выѣхали въ 3 часа по полудни, до 6 часовъ слѣдующаго утра выходило 15 часовъ, и въ результатѣ оказывалось, что пароходъ нашъ движется со скоростью не болѣе 7 верстъ въ часъ.

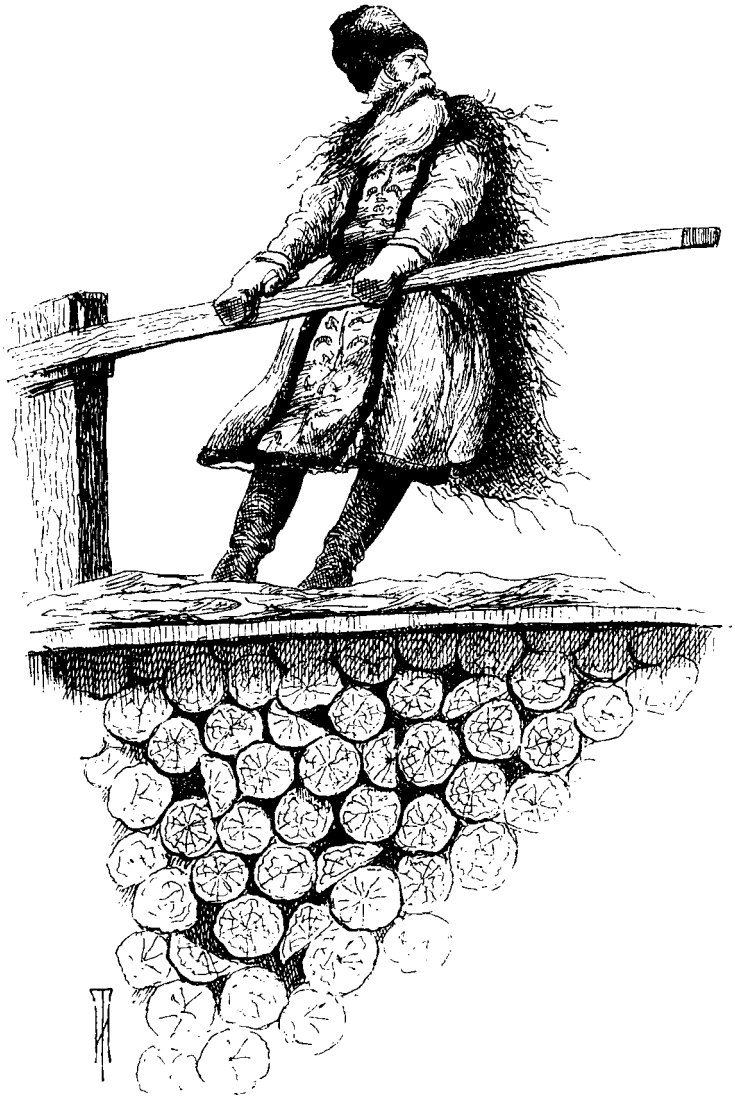
— Однако ѣзда-то дѣйствительно «канальская»,—вырвалось у одного изъ моихъ спутниковъ.

— Терпѣніемъ стяжите души ваши,—замѣтилъ другой.

Между тѣмъ, за окномъ нескончаемой вереницей потянулись барки съ дровами. По лѣвому берегу канала (если стать лицомъ къ Невѣ) устроенъ бичевникъ со спусками къ водѣ. Тощія лошаденки, по четыре въ рядъ, но поставленныя наискось, по діагонали, тащили тяжелыя, высоко нагруженныя барки, съ громадными, высокими рулями. Фигуры рулевыхъ, взгромоздившихся на дрова и сосредоточенно смотрѣвшихъ съ своей высоты вдаль, были иногда очень типичны; одинъ изъ нихъ, старикъ, покрытый вмѣсто плаща, старою рогожей, особенно привлекъ наше вниманіе: чѣмъ-то древнимъ, своеобразнымъ, вѣяло отъ всей этой фигуры.

У праваго берега, узкою полосою отдѣлявшаго каналъ отъ Ладожскаго озера, было гораздо спокойнѣе. Тамъ неподвижно стояли барки на отдыхѣ. Онѣ были привязаны съ носа и съ кормы къ столбамъ, нарочно поставленнымъ на берегу для этой цѣли. Рабочіе и рулевые—кто спалъ, кто собирался варить кашу, кто просто бродилъ по берегу. Отличительную черту этого берега составляла непрерывная линія молодыхъ деревьевъ, искусственно посаженныхъ вдоль гребня на протяженіи почти всего канала.

Спокойствіе царило и въ нашей каютѣ; каждый занятъ дѣломъ сообразно своимъ вкусамъ. Товарищи зачерчиваютъ въ альбомъ носовую рѣзьбу на встрѣчающихся баркахъ, мотивы дѣйст-



Рулевой на баркѣ.

вительно попадаются очень интересные; нѣмки углубились въ чтеніе газетъ, богомолки спятъ, старикъ бесѣдуетъ съ какою-то торговкой и не безъ самодовольства разсказываетъ ей, что дочь его держитъ въ Петербургѣ меблированныя комнаты; худая кухарка читаетъ, толстая смотритъ въ окно на бичевникъ.

— И что только за лошаденки,—произноситъ она, ни къ кому, въ сущности, не обращаясь:—одно слово—«веретеномъ тряхнуть»!

Не даромъ тутъ чуть не каждый годъ сибирская язва проявляется; а все нажива—не кормятъ, не смотрятъ; хотятъ, чтобы не ѣвши работали.

Дверь съ шумомъ отворяется; вваливается купецъ, которому въ первомъ классѣ, очевидно, не сидится. Пошатываясь, онъ направляется къ дальнему углу каюты и, покачнувшись въ сторону, хватается за читающую кухарку.

— А ты, старичекъ, потише толкайся-то!—вступается толстая.

— Какой я старичекъ, — еле внятно лепечетъ купецъ: — мнѣ сорокъ первый годъ. Я еще вотъ какъ могу!—Онъ пробуетъ пройтись фертомъ, но его понятіе о равновѣсіи, вѣроятно, осталось на берегу, въ одномъ изъ шлиссельбургскихъ буфетовъ, и онъ спѣшитъ остановиться.

— Говоришь, сорокъ одинъ годъ вамъ?—прищуривается кухарка.

— Сорокъ одинъ!

— А сынку-то вашему тогда сколько же?

— Какому сынку?

— Да вотъ, что приходилъ-то съ тобой.

— Это не сынъ мнѣ, не сынъ... А-а-а мнѣ сорокъ одинъ годъ,—вотъ и все!

— Зачѣмъ вы пьяны-то напились? —начинаетъ кухарка.—Развѣ это хорошо?

— Д-да рази я пьянъ? Я вовсе не пьянъ. Чего толкуешь-то?

— Вы живете, какъ языческій богъ Бахусъ велитъ.

— У нашего хозяина...

— А ты, стало быть, работникъ? — снова прищуривается кухарка.

— Я приказчикъ.

— Приказчикъ? Значитъ грошъ въ ящикъ, а рубль за сапогъ,— такъ что ли?

Купецъ улыбается.

— Ты говоришь—пьянъ,—подхватываетъ онъ:—а если деньги есть, такъ нешто нельзя выпить?

— Вы слуга Бахуса: что прикажетъ вамъ, то и дѣлаете.

— Вотъ и врешь! У меня бабушки-то отъ роду не бывало.

— Не бабушки, а Бахуса, бога идоловъ. У язычниковъ разные боги были, а Бахусъ богъ пьянства.

— Пойдемъ въ первый классъ!

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Такъ не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, и сиди!

По уходѣ его, старикъ начинаетъ разсказывать, что купецъ

дѣйствительно не старъ, что онъ дровяной подрядчикъ и человѣкъ денежный.

Отъ нечего дѣлать, я сталъ изучать росписаніе пароходнаго движенія по каналу.

А въ окнахъ попрежнему тянутся барки съ своими двухаршинными дровяными стѣнами надъ бортомъ. Суда съ другимъ грузомъ встрѣчаются крайне рѣдко. Въ числѣ дровяныхъ барокъ попадается одна, нагруженная значительно ниже, чѣмъ остальныя, везутъ тѣ же четыре лошади.

— Что мало положилъ?—кричатъ рулевому съ парохода.

— Да вѣдь утопленниковъ веземъ-то,—смѣется рулевой.

Дрова, значитъ, во время гонки долго пробыли въ водѣ и успѣли набухнуть.

Купецъ снова является съ визитомъ и, раскачиваясь во всѣ стороны, направляется къ старику, который расположился спать, и начинаетъ будить его, но будитъ, очевидно, для шутки.

— Вставай! Что ты на моемъ мѣстѣ разлегся!

Старикъ притворяется крѣпко спящимъ.

— Это Семенъ Саввичъ Кошкинъ,—обращается купецъ къ публикѣ:—знаменитый! У него дочь на Стремянной меблированныя комнаты держитъ.

Семенъ Саввичъ потягивается.

— Вы не смотрите, что онъ такой,—продолжаетъ купецъ,—денегъ у него много; не одинъ десятокъ найдется.

— Что ты, что ты! Пустое говоришь!—пугается старикъ и садится на лавкѣ.

Купецъ грузно опускается на мѣсто рядомъ съ нимъ, противъ кухарки, и вступаетъ съ нею въ разговоръ.

— Я раскольникъ!—слышится черезъ нѣсколько времени его голосъ.

— Что-то мнѣ не вѣрится,—тянетъ кухарка, щурясь и покачивая головою.

— Я раскольникъ,—вѣрно! У васъ что? Ну, скажи!

— У насъ Троица.

— Троица?—переспрашиваетъ купецъ.—А это что такое?—онъ складываетъ пальцы поправославному и тычетъ ими въ носъ собесѣдницѣ: — это что? я у тебя спрашиваю. Щепоткой табакъ нюхать?

— А у васъ что? Сорочій хвостъ?—тычетъ въ отвѣтъ кухарка два протянутыхъ пальца.

— А у насъ вотъ какъ: Богородице Дѣво, радуйся, обрадованная Марія...—но языкъ ему измѣняетъ.

Диспутъ продолжается долго; въ концѣ концовъ доводы купца переходятъ въ брань, отъ которой нѣмки начинаютъ нетерпѣливо поворачиваться.

— Ѣшь больше, говори меньше,—обрываетъ его собесѣдница.— Здѣсь ругаться не смѣй.

Купецъ направляется къ выходу и вдругъ, покачнувшись, съ розмаху падаетъ всѣмъ грузомъ на спящую подлѣ богомолку. Та вскакиваетъ и сначала не можетъ понять, что случилось, но пока приходитъ въ себя, купецъ кое-какъ успѣваетъ добраться до двери.

Въ Шальдихѣ кухарки и старикъ выходятъ.

Лишь только пароходъ отчалилъ отъ пристани, какъ купецъ уже снова появился въ каютѣ; увы! мѣста его собесѣдниковъ были пусты.

Покачавшись нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, онъ рѣшился завести новое знакомство и мимо пустыхъ мѣстъ направился въ уголъ къ мирно спавшей торговкѣ.

Опять началось буженіе:

— Эй, тетка, вставай, это мое мѣсто и т. д. — Но «тетка» только огрызнулась, причемъ обнаружила такой могучій контральто, что купецъ вскорѣ же оставилъ ее въ покоѣ и ретировался въ свой первый классъ, гдѣ, по всей вѣроятности, и легъ спать, ибо къ намъ уже болѣе не являлся.

Мы вышли на площадку подышать свѣжимъ воздухомъ. Я выглянулъ за перила: и впереди, и позади насъ берега какъ будто бы сливались другъ съ другомъ, такъ что впечатлѣніе получалось, точно мы плывемъ посреди какого-то овальнаго пруда. Каналъ вообще не широкъ, и если какая нибудь барка начнетъ переправляться отъ одного берега къ другому, то путь преграждается, и остальнымъ приходится ожидать. Пароходъ нашъ держится больше праваго берега и лишь только приблизится къ нему, какъ подъ берегомъ появляется рѣзвая, бѣлоголовая волна, которая, точно живая, бѣжитъ за нами, перескакивая черезъ камни, заливая кочки, прорываясь сквозь кусты и подтачивая берегъ. У берега очень замѣтное теченіе отъ Ладоги къ Шлиссельбургу. Дно канала отъ Волхова до устья Назіи (на протяженіи 84 верстъ) заложено горизонтально, а отъ Назіи до выхода въ Неву—съ уклономъ въ 2 фута, соотвѣтственно склону самого озера къ Невѣ.

Часовъ около девяти вечера, недалеко отъ Кабоны, мы снова вышли на площадку полюбоваться красивымъ закатомъ. Впереди насъ, точно въ просвѣтѣ громадной арки, открывалось чистое небо, залитое теплыми, золотистыми тонами. Надъ нами и позади насъ правильнымъ, гигантскимъ сводомъ лежали сплошныя, угрюмыя тучи. На ярко-оранжевомъ фонѣ краевъ этого мрачнаго свода неслись легкія розоватыя облачка, точно послы отъ царства свѣта въ царство ночи. Солнце уже скрывалось за горизонтомъ, а съ противоположной стороны, изъ глубины свода, вѣяло какимъ-то зловѣщимъ холодомъ. Много драматизма чувствовалось въ этомъ контрастѣ.

Солнце сѣло. Пароходъ подошелъ къ Кабонѣ, подобно всѣмъ остальнымъ селеніямъ канала, раскинутой на лѣвомъ берегу. Кажется, большинство этихъ поселковъ возникло на Петровскомъ каналѣ и затѣмъ уже распространилось по направленію къ новому каналу. Въ Кабонѣ мы видѣли бѣлую каменную церковь о пяти главахъ; она стояла нѣсколько поодаль отъ берега, вѣроятно, посреди селенія.

Въ Ледневѣ, на озерномъ берегу, противъ селенія, меня поразили сараи съ пристроенными по бокамъ мачтами, по двѣ и по три у каждаго. Я обратился за разъясненіемъ къ матросу.

— А это рыбацкіе,—отвѣчалъ онъ.—Рыбаки тутъ все по берегу-то живутъ, озерные, такъ для сѣтей, для мережъ и пристроено, чинить значитъ. Подыметъ ее на блокъ и смотритъ, гдѣ порвалось, гдѣ что, ну, его и вычинитъ. Такъ-то оно способнѣе, сразу видать.

За Ледневымъ мы отправились отыскивать буфетъ и нашли внизу подъ палубой, въ помѣщеніи третьяго класса, расположеннаго впереди и позади машины. На сколько въ нашей второклассной свѣтлицѣ было привольно и весело, на столько же здѣсь темно и душно. Мы заказали ужинъ и поспѣшили вернуться на площадку.

Селеніе Черная, на мой взглядъ, едва ли не самое красивое мѣсто на каналѣ. Оно расположено на правомъ берегу и предстало предъ нами въ поэтической обстановкѣ лѣтнихъ сумерекъ. Вдали догорали послѣднія краски заката, отражаясь въ водѣ, гладкой, какъ зеркало; а передъ нами выросъ красивый силуэтъ церкви, окруженной деревьями и домами, часть которыхъ небольшими уступами спускалась къ каналу.

Я оглянулся назадъ: тамъ свѣтлыми пятнами вырѣзывались широкія барки на фонѣ утопавшаго въ глубокихъ тонахъ берега.

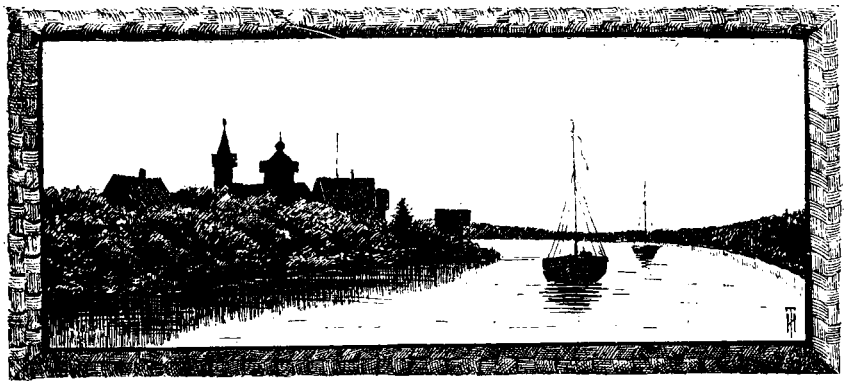
Отъ Черной до Ладоги считается 47 верстъ, большая часть пути была пройдена. Начинало темнѣть, и мы по выѣздѣ изъ Черной, проводивъ глазами нѣсколько грузныхъ, но красивыхъ полуботовъ съ большими деревами, отправились въ каюту, гдѣ послѣ ужина размѣстились на покой.

Я проснулся въ три часа утра и вышелъ на площадку. Солнце еще не высоко поднялось надъ горизонтомъ, но лучи его уже были ослѣпительно ярки. Погода стоитъ прекрасная; чувствуется утренняя укрѣпляющая свѣжесть, тянетъ холодкомъ. Птицы такъ и заливаются въ прибрежныхъ кустахъ. На каналѣ тихо, трудовой день еще не начался, и только неугомонная волна, серебрясь на солнышкѣ, гонится попрежнему вдоль берега за пароходомъ.

Часовъ около шести утра показалась вдали и Новая Ладога, но каналъ, вѣроятно, не хотѣлъ отпустить насъ, не познакомивъ съ тѣми случайностями, которыя могутъ на немъ встрѣтиться. Барки

мало-по-малу начинали пускаться въ путь, переправляясь отъ праваго берега къ бичевнику. Одна изъ нихъ, при этой переправѣ, стала впереди насъ поперегъ канала, и путь нашъ, въ виду самой цѣли путешествія, былъ прегражденъ. Вчерашній матросъ оказался пророкомъ.

Но задержка продолжалась недолго. Нашъ «Первенецъ» смѣло подошелъ къ судну вплотную, зачалилъ его, безъ дальнихъ разсужденій, за носъ, повернулъ на средину, такъ что барка встала опять параллельно съ берегомъ, и отправился далѣе. Я ожидалъ громкихъ протестовъ со стороны рулеваго на баркѣ, но съ его вышки не раздалось ни одного восклицанія: оказывается, что по правиламъ всѣ суда должны давать дорогу пароходамъ.



Село Черное на каналѣ Александра II.

VII.

Въ 6 часовъ мы уже огибали Ладогу и входили въ Волховъ. Городокъ, основанный Петромъ I въ 1704 году, раскинулся по лѣвому берегу рѣки; онъ не великъ, строенія большею частію деревянныя, много амбаровъ, складовъ и т. п. Здѣсь, въ прошломъ столѣтіи, нѣсколько времени жилъ Суворовъ, будучи еще простымъ командиромъ Суздальскаго полка, и построилъ небольшую деревянную церковь во имя св. Георгія [1]). Городокъ долгое время влачилъ жалкое существованіе при Екатеринѣ II; здѣсь было всего 600 жителей. Льготы, дарованныя ему Александромъ Благословеннымъ, подняли его благосостояніе. Лѣтомъ, благодаря работамъ на каналахъ, сюда собирается народу тысячъ до семидесяти, и пригоняется

[1]) Рисунки церкви и дома, гдѣ квартировалъ Суворовъ, помѣщены въ Иллюстраціи 1848 г., №№ 5 и 8.

огромное количество лошадей; такое скопленіе въ одномъ мѣстѣ людей и животныхъ, при самыхъ дурныхъ условіяхъ жизни, почти ежегодно дѣлаетъ Новую Ладогу очагомъ различныхъ эпидемій, причемъ сибирская язва на скотѣ играетъ одну изъ первыхъ ролей.

Пароходъ нашъ миновалъ устье стараго канала, прошелъ мимо старинной, каменной церкви съ одною, зеленою главою, стоящей на самомъ берегу Волхова, и подошелъ къ пристани.

Такъ какъ часть остававшагося у насъ свободнаго времени мы хотѣли посвятить на осмотръ Старой Ладоги, то, выйдя на берегъ, тотчасъ же отправились на пристань Волховскаго пароходства, у которой, какъ мы замѣтили еще ранѣе, стоялъ небольшой пароходъ «Рюрикъ», но за «Рюрикомъ» скрывался у самой пристани другой крохотный пароходикъ «Ваня-Вѣра». На немъ еще никого не было, только у трубы сидѣли машинистъ съ кочегаромъ и пили чай.

— Вамъ куда, милые?—обратился онъ къ намъ.

— Въ Старую Ладогу, — отвѣчали мы, направляясь къ «Рюрику».

— Такъ вамъ, миленькіе, съ нами надо, на нашемъ пароходѣ. А «Рюрикъ» тотъ въ другую сторону, по деревнямъ пойдетъ. Вотъ сядьте въ каютку, посидите. Теперь не долго ждать-то.

— А когда мы будемъ въ Старой Ладогѣ?

— Часу въ девятомъ и пріѣдемъ. Да вѣдь вы, поди, мимоѣздомъ?

— Мимоѣздомъ; а когда же можно будетъ дальше?

— А мы опять за вами, милые, зайдемъ. Мы до Дубо̀вика-то два раза въ день ходимъ. Теперь васъ въ Ладогу отвеземъ, а въ 5 часовъ и опять за вами заѣдемъ и въ Дубо̀викъ отвеземъ.

— А за Дубо̀викомъ?

— Тамъ вамъ ужъ придется, милые, на делижанѣ берегомъ до Гостинопольской пристани.

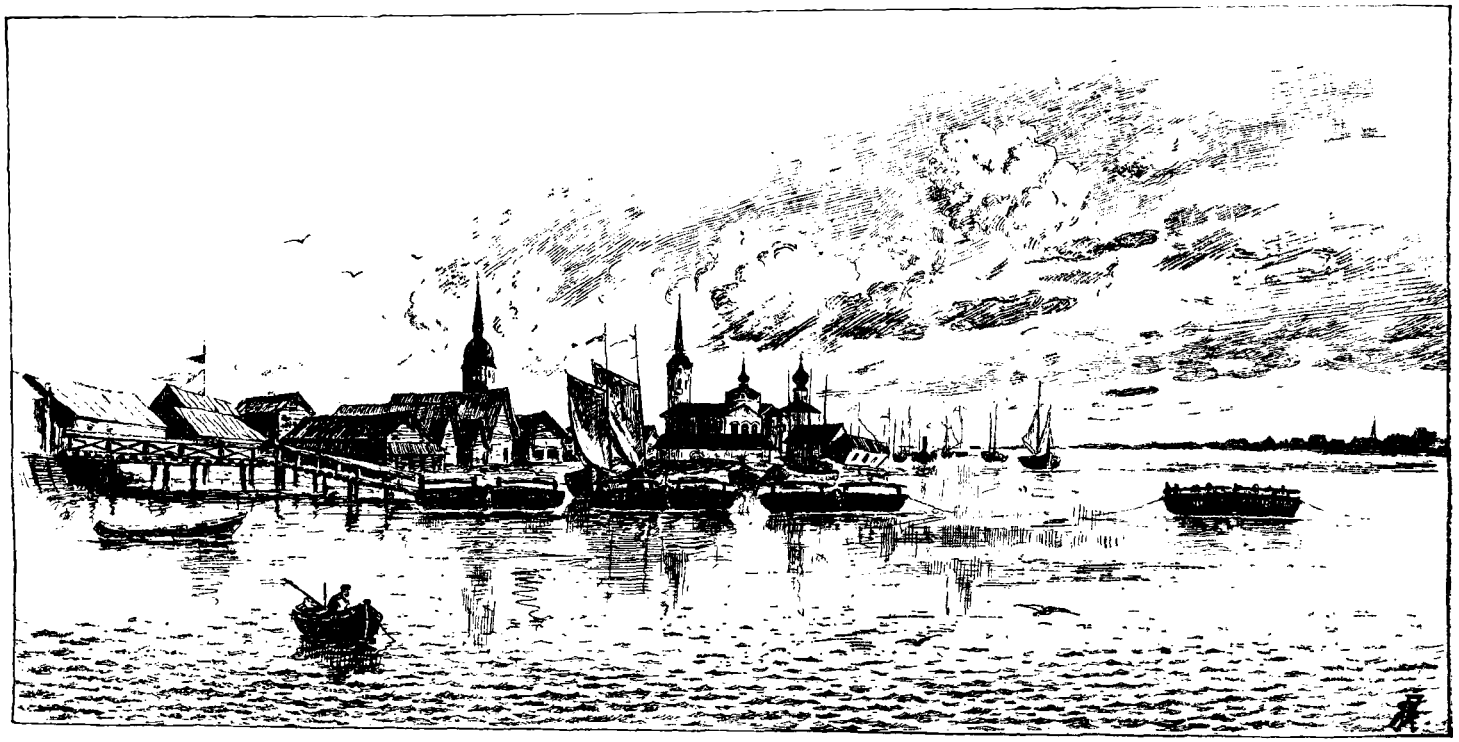
— А водою?

— Неудобно, потому пороги тамъ. Ходили мы прежде до Гостинопольской, да потомъ бросили, не стоитъ.

Онъ покрылъ свою чашку, всполоснулъ посуду и спустился въ машину.

Крошечная рубка 1-го класса (человѣкъ на 10, не больше) помѣщалась въ кормѣ и особою опрятностью не отличалась. Мы вышли снова на палубу полюбоваться Волховомъ.

Видъ, дѣйствительно, былъ красивый: во всю ширину раскидывалось передъ нами, сверкавшее на солнцѣ, Волховское устье, сливаясь на горизонтѣ съ безграничною далью озера. На лѣвомъ берегу противъ насъ возвышались церкви Новой Ладоги: соборъ, церковь св. Климента и «Никола-старая», какъ пояснилъ кочегаръ, та самая древняя церковь, о которой я упомянулъ выше.



Городъ Новая Ладога.

На берегу тѣснились разныя деревянныя постройки. На первомъ планѣ находился спускъ къ парому, который только что отчалилъ отъ берега, нагруженный телѣгами, лошадями и цѣлою толпою народа. На правомъ берегу былъ расположенъ большой поселокъ близь устья Сязьскаго канала, соединяющаго Волховъ со Свирью, въ обходъ озера (Сязь, притокъ Свири, соединяется съ каналомъ въ 10 верстахъ отъ Ладоги). Отъ общаго вида вѣяло ширью, просторомъ.

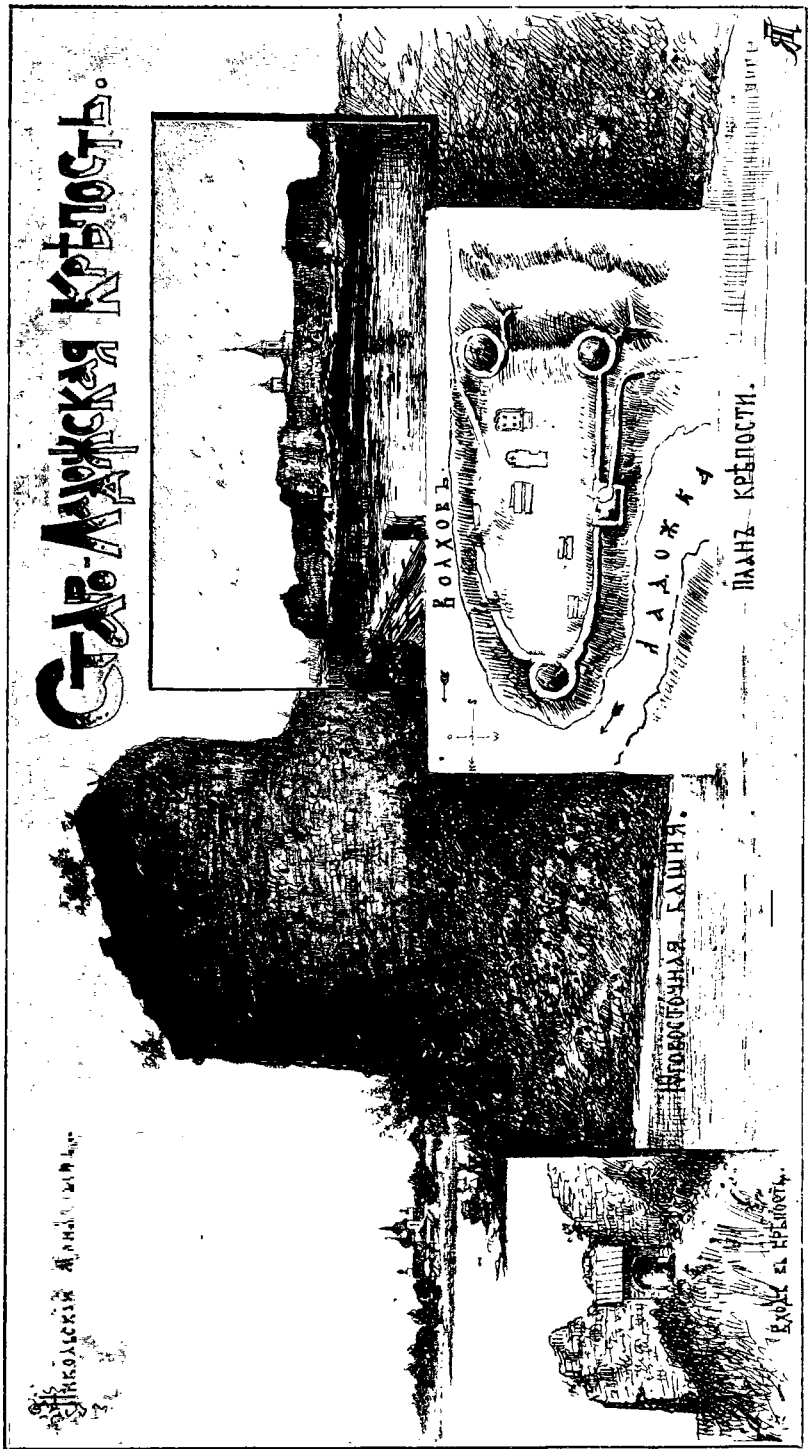
«Рюрикъ», принявъ на бортъ счетомъ двухъ бабъ съ какими-то корзинами, отошелъ отъ пристани. Вскорѣ и на нашъ пароходъ стала собираться публика, послышались свистки, и минутъ черезъ десять «Ваня-Вѣра» также тронулся въ путь.

Берега Волхова, съ воды, очень красивы и не лишены оттѣнка нѣкоторой грандіозности. Сама рѣка кажется здѣсь (близь устья) больше Невы, красота ея пустынная, своеобразная; песчаные берега высоки и обрывисты; на лѣвомъ берегу песокъ красный, на правомъ—бѣлый.

Первая станція, село Изсады, съ каменной церковью въ Тоновскомъ стилѣ, окрашенной въ рыжій и бѣлый цвѣта, непріятно пестрящіе въ глазахъ. Дальше село «Покрову», какъ сказалъ мнѣ одинъ мужичекъ на палубѣ; здѣсь церковь постарше. Затѣмъ мы проѣхали большую усадьбу Рыбина и стали приближаться къ Старой Ладогѣ, находящейся всего въ 13 верстахъ отъ Новой.

На вершинахъ лѣваго берега начали показываться холмы, очень похожіе на курганы, и вскорѣ впереди, на лѣвомъ же берегу, открылась и сама Ладога, едва ли не древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ городовъ сѣверной Руси, а теперь жалкій, бѣдный поселокъ, ютящійся подлѣ древнихъ развалинъ.

Разсказывая о призваніи первыхъ князей, наши лѣтописи расходятся въ указаніи города, гдѣ поселился Рюрикъ. Однѣ указываютъ прямо на Новгородъ, другія, какъ, напримѣръ, Ипатьевская, Хлѣбниковская, Кенигсбергская, говорятъ, что онъ прежде поселился въ Ладогѣ, срубивъ тамъ «городъ», и только черезъ два года послѣ смерти братьевъ перебрался къ Ильменю. Карамзинъ держится перваго предположенія, Соловьевъ — втораго. Какъ бы тамъ ни было, но древность Ладоги не подлежитъ сомнѣнію; самъ Карамзинъ допускаетъ, что этотъ городъ, извѣстный у скандинавовъ подъ именемъ Альдейгаборга, могъ быть построенъ варягами въ VIII или IX вѣкѣ. Покойный издатель «Христіанскихъ древностей», В. А. Прохоровъ, разсказываетъ, что однажды, при разрытіи могилы въ Староладожской крѣпости, найдена арабская золотая монета начала VIII вѣка, еще не истертая отъ употребленія, такъ что время потери ея можно полагать близкимъ ко времени ея чеканки. Вопреки южнымъ лѣтописцамъ, помѣщающимъ могилу Олега близь Кіева, первая новгородская лѣтопись говоритъ: «Иде


Старо-Ладожская Крѣпость.
Волховъ.
Ладожка
Планъ крѣпости.
Юговосточная башня.
Входъ въ крѣпость.

Олегъ къ Новугороду, и оттуда въ Ладогу. Друзіи же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну зміа въ ногу, и с того умре; есть могыла его въ Ладозѣ». Первое уже вполнѣ достовѣрное извѣстіе о Ладогѣ относится къ временамъ Владиміра и Ярослава и находится въ хроникѣ Стурлезона. По новгородской писцовой книгѣ 1500 года, Ладога, какъ и Новгородъ, имѣла свои пять концовъ и много церквей, отъ которыхъ почти ничего не осталось.

Видъ Ладоги съ Волхова не лишенъ живописности. На первомъ планѣ на высокой зеленой горѣ показалась бѣлая, старинная церковь Іоанна Предтечи, за нею, подъ горой, зданія женскаго монастыря, далѣе устье рѣчки Ладожки и развалины старой крѣпости, а изъ-за нихъ, на фонѣ лѣса, виднѣлся Никольскій мужской монастырь.

Мы оставили свои вещи въ гостинницѣ женскаго монастыря, находящейся противъ самой пристани, и налегкѣ отправились осматривать достопримѣчательности.

Пройдя нѣсколько шаговъ по непролазной грязи, мы уже очутились надъ устьемъ рѣчки Ладожки, за которою на мысу, между нею и Волховомъ, возвышались развалины Рюриковой крѣпости.

Названіе это, строго говоря, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ мы имѣемъ въ лѣтописи положительныя данныя, что крѣпость, уцѣлѣвшая до нашего времени, построена не Рюрикомъ, а ладожскимъ посадникомъ Павломъ въ 1116 году. Находящаяся въ крѣпости древняя церковь святого Георгія относится Прохоровымъ къ этому же времени. Онъ полагаетъ, что строителемъ ея былъ князь Мстиславъ, княжившій тогда въ Новгородѣ и называвшійся во св. крещеніи Георгіемъ. Другіе же, основываясь на правописаніи найденныхъ на древней штукатуркѣ поминальныхъ надписей, относятъ ее къ XI вѣку и полагаютъ, что это памятникъ Ярослава I.

Мы пошли къ мосту, перекинутому черезъ Ладожку позади крѣпости, и, перейдя на другую сторону, поднялись по тропинкѣ къ западной стѣнѣ, гдѣ находится четыреугольная башня, ведущая въ крѣпость. Южная стѣна этой башни, заключавшая въ себѣ ворота, обвалилась, и древняя арка замѣнена теперь новою, кирпичною. Другая арка, еще сохранившаяся въ крѣпостной стѣнѣ, служитъ входомъ изъ башни въ самую крѣпость.

Мы вошли и ахнули отъ восторга. Передъ нами, во всей своей прелести, открылась картина сѣдой, нетронутой старины. На пригоркѣ, окруженная молодыми деревцами и высокими кустами пышной зелени, стояла небольшая, деревянная церковь св. Дмитрія Солунскаго съ характернымъ куполкомъ и еще болѣе характернымъ, обветшавшимъ крылечкомъ. Вокругъ нея раскинуто небольшое кладбище, а изъ-за ветхой крыши поднимаются 800-лѣтнія, бѣлыя стѣны церкви св. Георгія. Чѣмъ-то новымъ, неизвѣданнымъ

Въ Старо-Ладожской крѣпости.

1) Деревянная церковь св. Димитрія Солунскаго.—2) Каменная церковь св. Георгія.—3) Фреска, изображающая св. Георгія Побѣдоносца въ діаконникѣ церкви св. Георгія.—4) Рамка, составленная по орнаментамъ въ куполѣ церкви св. Георгія.

пахнуло на насъ отъ этой величавой въ своемъ безмолвіи, картины.

— Пейзажисты русскіе, гдѣ вы?—воскликнулъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчаливаго созерцанія.

— Не до того имъ,—замѣтилъ другой:—имъ съ своими болотцами да сѣренькими деньками дай Богъ справиться, вѣдь сколько еще болотъ осталось ненаписанными, а тропинокъ въ лѣсу? а заглохшихъ парковъ?

— Въ самомъ дѣлѣ,—замѣтилъ третій:—давно ли мы въ дорогѣ, проѣхали всего какихъ нибудь 200 верстъ, а между тѣмъ сколько уже видѣли прекрасныхъ, серьезныхъ мотивовъ чисто историческаго пейзажа: Красныя Сосны, Шлиссельбургская крѣпость, Преображенская гора, Старая Ладога, наконецъ сама эта древняя крѣпость, заключающая въ себѣ столько интереснаго какъ для археолога, такъ и для художника, но археологъ можетъ дать лишь описаніе, размѣры, архитектурный чертежъ, поэзія же, впечатлѣніе—не его дѣло; для этого требуется особая творческая душа, богатая фантазіей, одаренная глубиною мысли, способная и чувствовать, и передать свое чувство. Въ историческомъ жанрѣ мы уже имѣемъ Шварца, но пейзажистовъ, вѣроятно, еще придется подождать.

Къ намъ подошелъ сторожъ и предложилъ показать церкви.

Въ каменномъ храмѣ, къ сожалѣнію, испорченномъ пристройкою новой шаблонно-рутинной колокольни, замѣчательны фрески XII-го вѣка, подробно описанныя В. А. Прохоровымъ. Онѣ открыты случайно въ концѣ прошлаго вѣка.

Въ 1780 году митрополитъ новгородскій Гавріилъ проѣздомъ въ Петербургъ посѣтилъ Старую Ладогу. Войдя въ церковь св. Георгія, онъ обратилъ вниманіе на обвалившуюся мѣстами штукатурку, подъ которою былъ ясно виденъ другой слой, расписанный масляными красками. Въ надеждѣ найдти на немъ какую нибудь надпись о времени сооруженія храма, владыка приказалъ отбить верхнюю штукатурку въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но при отбиваніи былъ частію разбитъ и второй слой, а подъ нимъ обнаружился третій, древнѣйшій, съ фресковыми изображеніями, который и составляетъ одну изъ драгоцѣнностей русской археологіи.

Но на сколько пріятенъ самъ по себѣ фактъ открытія фресокъ, на столько же печальна ихъ дальнѣйшая исторія, служащая яркимъ доказательствомъ того пренебреженія, съ какимъ русскій человѣкъ относится къ своей родной старинѣ.

Слои были сняты крайне грубо, небрежно, гдѣ ихъ было снято два, гдѣ одинъ, стѣны были обезображены и немало смущали прихожанъ церкви, которыхъ только недостатокъ средствъ удерживалъ отъ приданія стѣнамъ должнаго благолѣпія. Ждали «благодѣтеля»,

и благодѣтель нашелся, какъ водится, изъ купцовъ. Въ 1849 году почти всѣ фрески были сбиты со стѣнъ топорами и ломами и выброшены, какъ мусоръ, въ одну изъ башенъ крѣпости. Уцѣлѣли только тѣ, которыхъ штукатуры не сочли нужнымъ отбивать и прямо замазали слоемъ извести. Прохоровъ около трехъ недѣль рылся съ помощниками въ грудѣ выброшенныхъ изъ церкви обломковъ, но, кромѣ самыхъ ничтожныхъ частей, ему не удалось составить ничего болѣе или менѣе полнаго.

Ладожскій Никольскій монастырь.

Добившись «благолѣпія» внутри, благодѣтели перенесли свои заботы и на наружное благолѣпіе: они сломали трапезу, пристроенную въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка, замѣнили ее другою, продолговатою, и возвели колокольню, которая не вяжется ни съ чѣмъ остальнымъ и только портитъ общее впечатлѣніе.

Изъ оставшихся фресокъ наиболѣе интересными показались намъ: Вознесеніе Господне въ куполѣ, хорошо сохранившееся, быть можетъ, благодаря значительной высотѣ, на которой оно находится, и св. Георгій Побѣдоносецъ на восточной стѣнѣ діаконника. Въ

Вознесеніи Спаситель изображенъ сидящимъ на радугѣ, въ голубомъ кругѣ, который поддерживается ангелами; внизу Богоматерь и апостолы, раздѣленные другъ отъ друга пальмовыми деревьями; еще ниже, между окнами, представлены пророки; раздѣляющія ихъ ниши украшены разнообразнымъ, причудливымъ орнаментомъ. На фрескѣ, изображающей Святаго Георгія, мы видимъ и спасенную имъ царевну и побѣжденное чудовище, которое она ведетъ за собою на бѣлой лентѣ, и даже башню, гдѣ помѣщаются зрители совершившагося чуда. Побѣдоносецъ изображенъ въ воинскихъ доспѣхахъ, верхомъ на бѣломъ конѣ. Принимая во вниманіе, что обычай изображать этого святаго на конѣ введенъ нашими иконописцами и отъ нихъ уже впослѣдствіи перешелъ въ Грецію, надо признать эту фреску однимъ изъ древнѣйшихъ русскихъ изображеній св. великомученика.

Плѣнившая насъ своимъ наружнымъ видомъ деревянная церковка св. Димитрія представляетъ внутри крайне печальную картину бѣдности и запустѣнія. По бокамъ интересныхъ, старинныхъ царскихъ вратъ поставлены мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери разной величины и формы, очевидно, сборныя. Лѣвѣе Богоматери боковая дверь, ведущая въ алтарь, а за Спасителемъ въ иконостасѣ торчатъ однѣ голыя доски. Клиросы покривились и еле держатся. За лѣвымъ клиросомъ мы замѣтили большой, рѣзной крестъ, сооруженный въ 1728 году, «по обещанію р. б. Григорія Ѳедорова сына Курнищева», и поставленный сначала на мѣстѣ перенесенной Петромъ отсюда въ Новую Ладогу церкви св. Климента, а теперь хранящійся здѣсь, у св. Димитрія [1]). При выходѣ спутники мои зачертили интересный, старинный замокъ, изображенный на наружной двери.

Мы обошли кругомъ всю крѣпость; стѣны, за исключеніемъ западной, почти всѣ обвалились, и только три башни, подобно могучимъ, коренастымъ богатырямъ, стоятъ по угламъ на стражѣ. Подъ двумя изъ этихъ башенъ (юговосточной и сѣверной) есть

---

[1]) По поводу Старо-Ладожской церкви св. Климента, для лицъ, интересующихся археологіей, могу сдѣлать слѣдующую замѣтку: Въ 1-й Новгородской лѣтописи подъ 6661 (1153) г. сказано: «Иде боголюбивый архепископъ Нифонтъ въ Ладогу и заложи церковь камяну святаго Климента». Извѣстный авторъ «Археологическаго описанія церковныхъ древностей въ Новгородѣ», архимандритъ Макарій, основываясь на извѣстіи III Новгородской лѣтописи, относящей эту закладку къ церкви св. Климента въ Новѣгородѣ, объясняетъ слова 1-й лѣтописи такимъ образомъ, что св. Нифонтъ положилъ основаніе Новгородской Климентовской церкви въ то время, когда нужно было идти ему въ Ладогу. Но почтенный изслѣдователь, вѣроятно, не обратилъ вниманія на то мѣсто I лѣтописи (подъ 1156 годомъ), гдѣ лѣтописецъ, оправдывая св. Нифонта отъ клеветы, будто онъ «полуплъ св. Софію», прямо говоритъ, что покойный архіепископъ, наоборотъ, украсилъ ее и, кромѣ того, выстроилъ двѣ церкви: одну—св. Спаса во Псковѣ, «другую въ Ладозѣ св. Климента».

тайники. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ тайникъ юго-восточной башни спускался мѣстный мѣщанинъ Ананьевъ. Онъ нашелъ тамъ ходъ подъ стѣною, по направленію къ Волхову, выложенный изъ плитняка, со сводомъ; въ другомъ концѣ ходъ упирался въ желѣзную дверь, запертую замкомъ. Теперь входъ въ эти тайники заваленъ каменьями и мусоромъ, и доступъ къ нимъ почти невозможенъ.

Съ вершины югозападной башни сторожъ показалъ намъ вдали, на берегу Ладожки, остатки древней каменной церкви, появившейся на свѣтъ Божій, благодаря раскопкамъ Н. Е. Бранденбурга. Другая церковь, открытая имъ же, находится въ самой Ладогѣ. Судя по плану, обѣ церкви принадлежатъ къ древнему трехъ-абсидному типу, образцомъ котораго можетъ служить крѣпостная церковь св. Георгія. Въ церквахъ этихъ уцѣлѣли части, покрывавшаго стѣны, орнамента, довольно грубаго рисунка. Кромѣ того, въ одной изъ нихъ найдено было хорошо сохранившееся бронзовое паникадило и разныя серебряныя подвѣски къ иконамъ, очень древнія.

Изъ крѣпости мы отправились берегомъ Волхова къ лежащему выше по рѣкѣ Никольскому монастырю. На той сторонѣ Волхова тянулось сельцо—Васильевскій погостъ, съ небольшою каменною, также очень древнею церковью; прежде тамъ былъ монастырь, но онъ давно уже уничтоженъ.

— Позвольте, господа,—обратился къ намъ одинъ изъ спутниковъ, заглянувъ въ свою записную книжку: — какъ, повашему, называется монастырь, къ которому мы идемъ?

— Никольскій,—отвѣчалъ другой.

— А помоему—Николо-Медвѣдицкій.

Возгорѣлся споръ. Одинъ, ссылаясь на Пушкарева (описаніе Петербургской губерніи) и Полеваго (Художественная Россія), доказывалъ, что Николо-Медвѣдицкій монастырь былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Новая Ладога, другой, основываясь на статьѣ Милюкова о Старой Ладогѣ («Древняя и Новая Россія», 1876 г.), утверждалъ, что монастырь этотъ и посейчасъ находится въ Старой Ладогѣ.

Дѣйствительно, въ то время, какъ Пушкаревъ и Полевой говорятъ, что Петръ Великій, пользуясь выгоднымъ мѣстоположеніемъ Николо-Медвѣдицкаго монастыря, обратилъ его въ зерно вновь возникшаго городка Новой Ладоги, окопалъ его рвами, обвелъ валомъ и проч., Милюковъ, упоминая о послѣднемъ освященіи церкви св. Георгія въ Староладожской крѣпости въ XVII столѣтіи, дѣлаетъ изъ современнаго освященію документа выписку, гдѣ встрѣчаются слѣдующія слова: «а святилъ храмъ Николая Чудотворца Медвѣдицкаго монастыря игуменъ Ѳеодоритъ», и затѣмъ продолжаетъ: «Николаевскій монастырь, о которомъ упоминается въ этомъ до-

кументѣ, находится недалеко отъ крѣпости, на самомъ берегу Волхова», и т. д. Костомаровъ въ статьѣ: «Монастыри Новгородской и Псковской земли» («Живописная Россія»), пишетъ: «на устьѣ Волхова находился Медвѣдицкій монастырь; въ Ладогѣ на посадѣ— Никольскій».

— Какъ называется вашъ монастырь? — спросилъ я послушника, стоявшаго у воротъ.

— Николо-Медвѣдицкій.

Вопросъ такъ и остался открытымъ.

Въ монастырѣ, впрочемъ, ничего особенно замѣчательнаго не оказалось. Характерна развѣ только форма монастырскихъ воротъ. По поводу этихъ воротъ Милюковъ сообщаетъ мѣстное преданіе, что въ 1612 году, во время нашествія Делагарди, въ нихъ съ торжествомъ внесены были въ обитель, перенесенныя съ Валаама, мощи валаамскихъ угодниковъ Сергія и Германа, остававшіяся здѣсь до временъ Петра. Объ этомъ перенесеніи мощей говоритъ и Муравьевъ въ своемъ «Путешествіи по св. мѣстамъ русскимъ». Но здѣсь опять не знаешь, кому вѣрить. Стоитъ только открыть исторію Валаамскаго монастыря, составленную Елагинымъ, чтобы найти совершенно иныя извѣстія. Послѣднее (уже 4-е) перенесеніе мощей въ Новгородъ и возвращеніе ихъ черезъ 15 лѣтъ въ монастырь, по Елагину, произошло еще въ 1179 или 1180 году; во время же нашествія Делагарди св. мощи все время оставались на Валаамѣ и даже наказали шведовъ, хотѣвшихъ надругаться надъ ними, разными болѣзнями, причемъ пораженные чудомъ шведы сами поставили надъ могилою святыхъ часовню (въ 1685 году).

Вернувшись обратно въ селеніе, мы спросили, какъ пройдти къ церкви Іоанна Предтечи, которая такъ понравилась намъ съ парохода.

— Да, если угодно, я могу проводить васъ, — отозвался одинъ изъ мѣстныхъ жителей. — По прямой дорогѣ грязно, а я васъ кругомъ проведу.

Онъ повелъ насъ сначала берегомъ, потомъ вдоль стѣнъ Успенскаго женскаго монастыря и, наконецъ, вывелъ на большую Архангельскую дорогу, видѣнную нами въ Шлиссельбургѣ.

Я освѣдомился о церкви Іоанна Предтечи и узналъ, что она хотя и находится рядомъ съ женскимъ монастыремъ, но приписана къ мужскому.

— А это вотъ Алексѣевская церковь и кладбище, — указалъ провожатый влѣво отъ дороги: — это ужъ къ женскому монастырю. А вонъ тамъ, подальше-то, на горкѣ,—указалъ онъ на деревню:— это Рахманова гора прозывается, а попросту другое ей названіе есть: Весельникъ.

На планѣ Ладоги въ «Христіанскихъ древностяхъ» Прохорова эта гора названа Ахматовою.

Тотчасъ же за монастыремъ открылась и Предтеченская гора съ одиноко стоящею на вершинѣ ея церковью; тропка, окаймленная двумя рядами высокихъ березъ, вела отъ дороги на гору.

Пока мы любовались открывавшимся съ горы прекраснымъ видомъ на Волховъ, Ладогу и окрестные курганы, нашъ путеводитель отыскалъ церковнаго сторожа.

Внутренность храма очень помѣстительна. Стѣны закрашены бѣлою известью. Столбы, поддерживающіе куполъ, довольно оригинальны по формѣ: въ планѣ они, благодаря снятымъ угламъ, имѣютъ осьмиугольную форму, которая вверху переходитъ въ четыреугольную и расходится въ арки. Къ главному, пятиглавому Предтеченскому храму съ сѣверной стороны сдѣлана пристройка съ придѣломъ во имя св. Параскевы-Пятницы. Въ трапезѣ этой пристройки мы замѣтили какое-то отгороженное помѣщеніе.

— А тутъ, говорятъ, игуменъ жилъ за стѣнкою-то,—пояснилъ сторожъ.

— Такъ здѣсь былъ монастырь?

— Какъ же, монастырь, мужской; только давно ужъ прикончился.

— И не осталось ни келій, ни стѣнъ?

— Стѣны-то, не знаю, были ли, а кельи подъ церковью и посейчасъ остались. Вотъ тутъ и спускъ былъ,—указалъ онъ на мѣсто въ трапезѣ главнаго храма,—да теперь ужъ заложенъ.

Въ этой же трапезѣ, направо отъ входа, находится большая плита надъ могилою нѣкоего Александра Васильевича Лосева; надпись гласитъ, что онъ былъ послушникомъ Никольскаго монастыря и взялъ на себя подвигъ добровольнаго юродства. Онъ утонулъ въ декабрѣ 1847 года, тѣло же его найдено въ маѣ 1848 года почти сохранившимся и погребено здѣсь архимандритомъ Аполлосомъ съ братіею, въ присутствіи игуменіи Успенскаго монастыря Ѳевроніи съ сестрами. Это подробное упоминаніе именъ участниковъ погребенія свидѣтельствуетъ, что на покойника смотрѣли не какъ на простаго человѣка.

VIII.

Часа черезъ полтора мы уже снова сидѣли въ каюткѣ «Вани-Вѣры», везшаго насъ теперь въ Дубовикъ, конечную цѣль своихъ ежедневныхъ рейсовъ. Погода испортилась, и любоваться Волховомъ приходилось сквозь мутныя, залитыя дождемъ окна. На высокихъ берегахъ потянулся лѣсъ, песчаные обрывы, мѣстами попадались плитныя ломки; внизу на рѣкѣ тянулись плоты изъ бревенъ, кое-гдѣ грузились дрова (которыми, кстати сказать, и въ Ладогѣ завалены всѣ берега).

Но вотъ и Дубовикъ, По скользкому, почти отвѣсному откосу праваго берега пришлось карабкаться, какъ на стѣну непріятельской крѣпости. Наверху ждала насъ ямская долгуша; но мѣста на ней пришлось брать чуть не съ боя. Наконецъ, всѣ кое-какъ размѣстились, и долгуша, покачиваясь, тронулась въ путь. Дождь прошелъ, но грязь стояла ужасная. Мы ѣхали по самому краю высокаго, обрывистаго берега, ежеминутно рискуя, благодаря тѣснотѣ и глубокимъ колеямъ, слетѣть съ мѣста и взять прохладительную ванну въ громадныхъ лужахъ, цѣликомъ покрывавшихъ дорогу.

На лѣвомъ берегу, на фонѣ лѣса, покрытая синеватою дымкою дождя забѣлѣлась каменная церковь Михаила Архангела. Здѣсь кончаются пороги, и встарину близь церкви было устроено большое складочное мѣсто для товаровъ, которые перегружались здѣсь изъ мелкихъ судовъ, приспособленныхъ для прохода порогами, въ большія грузовыя суда. Не далеко отъ этого селенія находятся два большихъ кургана. Одинъ изъ нихъ особенно поражалъ громадностью своихъ размѣровъ, такъ что Н. Е. Бранденбургъ даже заподозрѣлъ въ немъ пресловутую могилу Олега, о которой выше я цитировалъ слова лѣтописи.

Онъ предпринялъ раскопку кургана, но результаты не оправдали ожиданій. Изъ вещественныхъ остатковъ почти ничего не найдено; интересъ представляло только могилище, огибавшее подножіе кургана съ юго-восточной стороны. Въ немъ найдено 14 скелетовъ, два изъ которыхъ положены на столько близко другъ къ другу, что половина одного прикрывала половину другаго, и черепъ верхняго скелета покоился на плечѣ нижняго. У нижняго всѣ шейные позвонки лежали правильно, а черепъ оказался на аршинъ въ сторонѣ отъ скелета. Самый курганъ нѣкоторыми своими особенностями еще разъ доказалъ, и теперь уже вполнѣ ясно, существованіе въ Волховскихъ курганахъ особаго типа, не сходнаго съ типами другихъ приладожскихъ кургановъ.

Мы ѣхали противъ теченія, и, слѣдовательно, для насъ церковь Михаила Архангела была гранью не конца, а начала пороговъ. Теченіе въ нихъ очень неровно. Вода мѣстами точно пріостанавливается, мѣстами рвется впередъ; показываются даже волны съ бѣлыми гребнями, то узкія, то широкія, но въ общемъ, всетаки, особенно сверху, пороги, благодаря ширинѣ рѣки, не показались намъ представляющими большой опасности.

Гораздо серьезнѣе были пороги на сухомъ пути. Долгуша то ныряла въ глубокія ямы, то всползала на гребни, поминутно раскачиваясь изъ стороны въ сторону и зловѣще потрескивая, точно корабль въ бурю. Къ довершенію, мимо насъ промчался галопомъ какой-то верховой и обдалъ насъ грязью такъ ловко, какъ не всегда удается и экипажу на резиновыхъ шинахъ.

Чтобы нѣсколько разсѣяться послѣ этого злоключенія, мы стали искать глазами тотъ порогъ, на которомъ чуть было не погибъ одинъ изъ спутниковъ Олеарія, Симонъ Фризе, но долгуша въѣхала въ лѣсъ, и мученія наши удвоились.

— Э-эхъ! милыя, хуже этого не будетъ!—обратился ямщикъ къ лошадямъ.

И дѣйствительно хуже этого трудно себѣ что нибудь представить!

Но наконецъ, какъ все на свѣтѣ, кончился и лѣсъ; дорога стала нѣсколько глаже. Впереди показалось село Ельцы (на картѣ— Вельсы), за которымъ потянулось большое, широкое поле надъ самымъ берегомъ рѣки. Быть можетъ, здѣсь и находилось то извѣстное Гостиное поле, близь монастыря св. Николая, въ началѣ пороговъ, на которомъ встарину было устроено складочное мѣсто для новгородскихъ и заморскихъ товаровъ, перегружавшихся здѣсь изъ крупныхъ судовъ въ мелкія и наоборотъ. Пороги были уже позади насъ, а въ концѣ поля виднѣлась и старая церковь святителя Николая. Миновавъ церковь, мы вскорѣ въѣхали и въ Гостинопольскую пристань, довольно значительное селеніе съ большими, красивыми домами; каменныхъ построекъ, правда, мы не замѣтили, но деревянныя, особенно по берегу Волхова, большею частію строены въ два этажа и производятъ очень пріятное впечатлѣніе.

У пристани противъ селенія ужъ стоялъ пароходъ «Волховъ», отправлявшійся ночью въ Соснинскую пристань. Пароходъ былъ на этотъ разъ настоящій, колесный, не чета канальнымъ и ладожскимъ карликамъ.

Мы были такъ утомлены, что, закусивъ наскоро у хозяйки нашей приснопамятной долгуши, не замедлили спуститься на пароходъ и воспользоваться пароходными диванами.

Между Гостинопольской и Соснинской пристанями находятся слѣдующія станціи: Городище, Пчева, Сольцы, Тигода и Грузино, но, увы! ни Городища, ни Пчевы, ни Сольцевъ мы не видали, такъ какъ проспали ихъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Погода стояла такая сырая и холодная, что мы лишь не надолго рисковали выходить на палубу.

Въ Грузинѣ все еще какъ будто вѣетъ тяжелымъ духомъ Аракчеева. Его постройки: соборъ, видимый изъ-за деревьевъ, каменныя башни на берегу, по бокамъ пристани, могли бы даже назваться красивыми, если бы не отпечатокъ какой-то сухой казенщины, лежащей на нихъ и на всемъ окружающемъ.

Въ Сосницкой пристани (Волховская станція тожъ) мы пересѣли на другой пароходъ, идущій уже прямо до Новгорода.

На сколько чинно и въ то же время холодно Аракчеевское Грузино, на столько мила и симпатична Державинская Званка.

Она расположена на высокомъ кургано-образномъ холмѣ и почти вся скрыта отъ глазъ зеленою оградою окружающей ее чуть не столѣтней рощи. Теперь тамъ, по завѣщанію жены поэта, устроенъ дѣвичій монастырь. Старый Державинскій домъ на самой вершинѣ холма, извѣстный по гравюрамъ, нѣсколько перестроенъ, но его легко можно узнать.

Званка вскорѣ изчезла изъ вида, и мы вступили въ область военныхъ штабовъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Волхова.

Погода стояла холодная, вѣтряная, и мы только изрѣдка выходили на палубу, тѣмъ болѣе, что и по берегамъ интереснаго было не много. Они давнымъ давно уже успѣли понизиться и перешли теперь въ большіе, поемные луга, прерываемые кое-гдѣ небольшими возвышеніями. Покосы здѣсь, дѣйствительно, должны быть хороши, и Волховское сѣно не даромъ славится въ Петербургѣ.

Въ 16-ти верстахъ отъ Новгорода, на лѣвомъ берегу показались Кречевицкія казармы и наискосокъ отъ нихъ, на правомъ, древняя Хутынь, передовая твердыня святынь новгородскихъ.

За Хутынью мы миновали монастырь Деревяницкій, основанный въ XIV столѣтіи и возобновленный Фотіемъ на средства графини А. А. Орловой. Въ этомъ монастырѣ любилъ уединяться на время великаго поста извѣстный артистъ Николаевскаго времени А. М. Максимовъ; онъ такъ любилъ эту обитель, что даже завѣщалъ и похоронить себя въ любимыхъ Деревяницахъ. Монастырь теперь изъ мужскаго обращенъ въ женскій; здѣсь находится женское епархіальное училище, помѣщающееся въ особомъ зданіи, построенномъ на средства покойнаго митрополита Исидора.

Вскорѣ на берегахъ показались и Новгородскія предмѣстья; все какъ будто оживилось; вдали забѣлѣли: Колтово, Антоньевъ монастырь, показались древнія стѣны Дѣтинца, мостъ, Торговая сторона, и черезъ нѣсколько минутъ во всю ширь развернулся передъ нами развѣнчанный, молчаливый, а когда-то неугомонный

«Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ»,

господинъ Великій Новгородъ.

И. Тюменевъ